

Мария Хроно

Исповедь суккуба

18+

Мария Хроно

Исповедь суккуба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67747928

SelfPub; 2022

Аннотация

Я и сама не заметила, как эта книга оказалась посвящена сексуальной магии, как она стала моей исповедью о наивной надежде, что союз двоих может быть подобен прекрасному танцу, а не беспощадной битве. И помни тот, кто пойдет этим путем – вы даны друг другу для наслаждения, для того чтобы познавать друг друга как божественное откровение. И пусть Связь послужит ключом, что открывает все двери и дороги, а не непроходимым лабиринтом из стен ограничений.

Содержание

Вступление	7
Молитва	8
Карнавал	12
Я	18
Портал	20
Письмо Другому	24
Танец	26
Червь	28
Храм Огня. Обращение	29
Гнев	31
Глаза	33
Жертвоприношение	35
Встань и иди	36
Платье в муравьях	39
Инструмент, что мечтал стать Богом	40
Зов	41
Рыцарь Звезды	43
Дитя Богов. Алеф	44
Дорога НеЗнания	45
Слепая гончая	47
Самая страшная история из написанных мною	48
Встреча с Ангелом	50
Спрут	52

Сказочник	53
Ведьмин Возлюбленный	54
Лицо Бога	55
Безымянный	57
Лунные дети	59
Братья Вороны	60
Письмо Вампиру	61
Соединение	63
Белой дороги	65
Обернись	66
Дом	67
Страж порога	69
Анимус	70
Нагой рыцарь	72
Феникс	73
Отражение	74
Исток	75
Память	77
Кошунство	78
Великая Мать	79
Мальчик из Зазеркалья	80
Неизбежность одиночества	82
Черный Человек	84
Ловец Времени	89
Кронос	91
Черная клякса	93

Голос	95
Две змеи	98
Муки наслаждения	99
Химера	100
Эра Водолея	101
Зверь	103
Остара. Колесо Года	104
Акт безграничной Любви	105
Вечный странник	106
Близнецы	107
Гниль	109
Не отводя взгляда	111
Тщета	113
К центру земли	114
Великое Ничто	115
Пожиратели	117
Инструкция по материализации	121
Чаша	123
Море, полное звезд	124
Не смотри	126
Искусство порабощения	128
Мой ангел с черными крыльями	130
Некромант	132
Упыри	134
Воззвание к Божеству	135
Мыльные пузыри	137

Да славится имя мое	139
Колыбельная	140
Полнолуние	142
Подношение	144
Даймон	145

Мария Хроно

Исповедь суккуба

Вступление

Я и сама не заметила, как эта книга оказалась посвящена сексуальной магии, как она стала моей исповедью о наивной надежде, что союз двоих может быть подобен прекрасному танцу, а не беспощадной битве. И помни тот, кто пойдет этим путем – вы даны друг другу для наслаждения, для того чтобы познавать друг друга как божественное откровение.

И пусть Связь послужит ключом, что открывает все двери и дороги, а не непроходимым лабиринтом из стен ограниченных.

Молитва

Но зато я так стремительно падаю вверх,

Как будто притяжения нет,

И нет ни законов, ни правил.

Fleur

– Это какая – то экзистенциальная порнография.

(Отзыв читателя).

В моей комнате сумрачно и прохладно, и стоит мне бросить взгляд на стены, как мне мерещится, что они сдвигаются, наползают на меня, грозясь сжать в тиски, раздавить мое тело. О мое тело – слабое, мягкое, местами склизкое – каким жалким кажется оно мне! Я впиваюсь в него от отращения, и мое тело отвечает криком на подобное надругательство. Тело вопит и верещит, а душа рвется – рвется разорвать, разорвать мое тело, разорвать мою комнату, мой мир.

Словно то что я вижу, та вереница, в которой я кручусь день ото дня – лишь серый, опостылевший купол, тонкая пленка. И стоит ее скovyрнуть словно болячку – и из под нее неудержимым потоком ливанет нечто, яркое, сильное, настоящее... И меня охватывает неудержимая тоска... Я хо-

чу ощутить себя в этом потоке, я хочу быть этим потоком. И я раздираю свое жалко тело, и я ласкаю свое бедное тело, и оно отзывается – болью и наслаждением, слезами и слизью, криком и стоном...

О как бы я хотел видеть пред собою Другого. Как бы хотел я касаться его, чувствовать вкус его души у себя на языке... В сладкой истоме вдыхать запах Иного и смотря в чужие глаза, видеть в них искорку Бога...

Искусство смотреть в глаза Иного было утрачено – мы смотрим и видим зрачки, зеркало, свое отражение, стеснение, похоть, инструмент, родителя, ребенка, но не видим в них Бога. Не того Бога из мифов и легенд – оторванного от мира, а Бога живого, вездесущего и всепроникающего.

И ради этого я готов содрать с себя броню, выползти из нее, себя из нее выскрести и бросится к Другому, чтобы предстать перед ним обнаженным, чтобы предстать перед ним беззащитным. И пусть он атакует – мне и без брони не страшны удары. Я бы безжалостно содрал с него кокон, вытряхнул бы его из доспехов – все ради касания, все ради того, чтобы заглянуть в глаза.

И мы бы были словно дети – невинные в своем грехе, растворялись бы друг в друге – невзирая на риск, невзирая на недоверие, надругавшись над социальными играми, ролями и манерами так же, как они надругались когда-то над нами. Я не желаю играть с Иным, примерять перед ним маски одну за другой, ублажая толпу тех, кто знает как надо. Я желаю

с жадностью, не в силах насытиться, пожирать Другого, познавая каждую клеточку его тела, каждый момент его жизни – не присваивая себе, но через себя пропуская, познавая и принимая каждый его вздох. Я желаю быть пожираемым, отдаваясь Другому без страха, без стыда, будучи самим собой.

И так, сливаясь почти до конца, мы бы замерли на грани между Жизнью и Смертью собственного Эго, в точке где Я – все еще Я, а Другой все еще Иной, но лишь мгновение – и последний барьер, разделяющий наши сущности рухнет.

И все это ради познания Бога в Другом, и все это ради проявлении Бога в себе. Ведь если я могу сказать тебе, Иной, что я люблю тебя, я могу сказать это всему миру, ведь если я могу наполнить тебя наслаждением, то я могу наполнить им мир, ведь если я могу светить тебе, я могу озарить все вокруг. Наслаждаясь тобой, я наслаждаюсь миром. Отдаваясь тебе, я возвращаюсь в себя, я наполняю собой мир.

Мой оргазм – преступление против серой пленки обыденности, против закованных в броню вечно грызущихся друг с другом воинов, против боящихся Бога, против своего стыда и сомнений. На мгновение предо мной открывается яркий мир, на мгновение я становлюсь всемогущим, на мгновение замок с моих желаний открыт, и они неудержимо выплескиваются наружу, раскрашивая и затопляя все вокруг. А затем я стремительно падаю вниз, обалдевший от откровения, и снова застываю в своей серой комнате в растерянности, не в силах отличить реальность от иллюзии. Но дремлющий во

мне Бог ведаёт, ведаёт и зовет меня в неистощимый, яркий поток безграничного Бытия.

И я кричу, я кричу и зову Другого, я кричу и пробуждаю себя.

Карнавал

Меня позвали на Карнавал.

Я долго собирала свой наряд, яркий, необычный и скрывающий все мое тело. Но когда я вышла на улицу, я поняла, что мой костюм не столь уж выделяется среди остальных.

В нем я чувствовала себя словно в броне. Такой закрытый, скрывающий мою личину. Я могла свободно идти, мешаясь с обезумевшей толпой, делать что хочу, заговаривать с кем захочу.

Прохожие – разряженные в пух и прах, как и я, не раз пытались угадать кто же я. И каждый раз ошибались. Более того – стоило мне сказать это им, и они не верили. Когда мое терпение лопало, я попросту срывала свою маску.

– Вот, вот же я! Это я! – порой я не выдерживала и срывалась на крик.

– Нет, нет! Это не ты, ты другой человек, – убеждали меня. А если я вновь не соглашалась – откуда не возьмись доставали маски, одежду и грубо напяливали на меня, а затем восклицали – мы же говорили кто ты! Смотри, смотри!

Эти чужие маски сдавливали мне лицо, мне было тяжело дышать через них, прорези для глаз были слишком узкие, и я шла в них, спотыкаясь. А надетые помимо моей воли костюмы давили, стягивали мое тело или наоборот, свисали мешком, и я путалась в их длинных полах, шатаюсь как пьяная

и падая.

Я раз за разом срывала с себя чужие вещи, отбрасывала их как можно дальше и сбегала, пока мои обидчики не опомнились.

Но и мой костюм начал тяготить меня – в нем становилось душно, и спустя столько времени я начала ощущать его тяжесть на своих плечах. После очередного «костюмера» я не выдержала и сорвала с себя не только напяленные им на меня одежду, но и свой собственный костюм. Я бросила ему тряпки в лицо, а моя маска раскололась об асфальт, обдав моего обидчика острыми брызгами осколков.

– Смотри! Смотри! – закричала я! – Вот я!

Он стоял ошарашенный, а затем тихо ответил, – не верю... – Сейчас, сейчас я расскажу тебе кто ты, и достал из своих просторных одеяний очередную маску.

И я бежала, и моя кожа царапалась о чужие костюмы, обагрывая их каплями моей крови. Запыхавшись, я остановилась отдышаться и случайно увидела себя в отражении витрин.

И в тот момент мое тело показалось мне таким нелепым, таким слабым, и таким невзрачным среди всего этого Карнавала. Слабое, в царапинах и синяках, такое несовершенное и такое беззащитное...

Мне вновь захотелось найти свой костюм и скрыть им свою наготу. Мне захотелось броситься прочь отсюда – забиться домой или сбежать в глушь. Туда – где меня никто

не увидит кроме птиц и зверей, туда, где никто не будет заставлять меня носить неудобные костюмы и душные маски, туда, где я смогу залечить свои раны ледяной озерной водой, жаром костра, колючими еловыми иголками и мягким бархатом мха.

Но я продолжала идти посреди Карнавала – нагая, я лавировала меж веселящейся толпы, чувствуя горячие поцелуи солнечного света на своей коже.

Может когда-нибудь моя кожа станет достаточно крепкой, чтобы не трещать по швам, режась об острые края чужих нарядов.

Может когда-нибудь, взглянув мне в лицо, кто-нибудь да и узнает меня.

Может когда-нибудь, я приму себя, и без содрогания взгляну на своё отражение.

А пока – да здравствует Карнавал!

Меня позвали на Карнавал.

Я долго собирала свой наряд, яркий, необычный и скрывающий все мое тело. Но когда я вышла на улицу, я поняла, что мой костюм не столь уж выделяется среди остальных.

В нем я чувствовала себя словно в броне. Такой закрытый, скрывающий мою личину. Я могла свободно идти, мешаясь с обезумевшей толпой, делать что хочу, заговаривать с кем захочу.

Прохожие – разряженные в пух и прах как и я, не раз пытались угадать кто же я. И каждый раз ошибались. Более то-

го – стоило мне сказать это им, и они не верили. Когда мое терпение лопало, я попросту срывала свою маску.

– Вот, вот же я! Это я! – порой я не выдерживала и срывалась на крик.

– Нет, нет! Это не ты, ты другой человек, – убеждали меня. А если я вновь не соглашалась – откуда не возьмись доставали маски, одежду и грубо напяливали на меня, а затем восклицали – мы же говорили кто ты! Смотри, смотри!

Эти чужие маски сдавливали мне лицо, мне было тяжело дышать через них, прорези для глаз были слишком узкие, и я шла в них, спотыкаясь. А надетые помимо моей воли костюмы давили, стягивали мое тело или наоборот, свисали мешком, и я путалась в их длинных полах, шатаясь как пьяная и падая.

Я раз за разом срывала с себя чужие вещи, отбрасывала их как можно дальше и сбегала, пока мои обидчики не опомнились.

Но и мой костюм начал тяготить меня – в нем становилось душно, и спустя столько времени я начала ощущать его тяжесть на своих плечах. После очередного «костюмера» я не выдержала и сорвала с себя не только напяленные им на меня одежду, но и свой собственный костюм. Я бросила ему тряпки в лицо, а моя маска раскололась об асфальт, обдав моего обидчика острыми брызгами осколков.

– Смотри! Смотри! – закричала я! – Вот я!

Он стоял ошарашенный, а затем тихо ответил, – не верю...

– Сейчас, сейчас я расскажу тебе кто ты, и достал из своих просторных одеяний очередную маску.

И я бежала, и моя кожа царапалась о чужие костюмы, обагрывая их каплями моей крови. Запыхавшись, я остановилась отдышаться и случайно увидела себя в отражении витрин.

И в тот момент мое тело показалось мне таким нелепым, таким слабым, и таким невзрачным среди всего этого Карнавала. Слабое, в царапинах и синяках, такое несовершенное и такое незащитное...

Мне вновь захотелось найти свой костюм и скрыть им свою наготу. Мне захотелось броситься прочь отсюда – забиться домой или сбежать в глушь. Туда – где меня никто не увидит кроме птиц и зверей, туда, где никто не будет заставлять меня носить неудобные костюмы и душные маски, туда, где я смогу залечить свои раны ледяной озерной водой, жаром костра, колючими еловыми иголками и мягким бархатом мха.

Но я продолжала идти посреди Карнавала – нагая, я лавировала меж веселящейся толпы, чувствуя горячие поцелуи солнечного света на своей коже.

Может когда-нибудь моя кожа станет достаточно крепкой, чтобы не трещать по швам, режась об острые края чужих нарядов.

Может когда-нибудь, взглянув мне в лицо, кто-нибудь да и узнает меня.

Может когда–нибудь, я приму себя, и без содрогания
взгляну на своё отражение.

А пока – да здравствует Карнавал!

Я

Я стою на коленях в благодарность Богу и признаваясь в любви, но много ли во мне любви и благодарности, если я настолько не берегу свои несчастные колени. Много ли во мне любви, если я не люблю себя – начало и конец меня, моей жизни, моего воплощения.

Я бегу, спотыкаясь, за теплом и любовью. Но даже жар любимого человека не согреет меня, если мое солнце внутри погасло.

Я раздаю себя по дешевке, лишь бы меня любили и хвалили. Руку за пятак, голову за четвертак. Но когда от меня у меня ничего не останется, чем я буду ловить улыбки и восхищенные взгляды?

Мои глаза несовершенны – я вижу лишь то, что хочу видеть и то, что увидеть боюсь. Может тогда мне стоит больше печься о собственном зрении, чем о красоте окружающего мира? Может, когда мои глаза станут более совершенными, окружающий мир в их отражении станет лучше?

Я во многом презираю себя, но мне от себя никуда не сбегать, ведь я – центр мира для самого себя, и этого мне не суждено изменить.

Звезды будут светить, даже когда меня не станет. Но для меня звезды меркнут, когда я закрываю глаза и не вижу ночное небо. И когда я умру, звезд для меня больше не будет.

Звезды будут светить, когда меня не станет. Но когда я умру, я заберу звезды с собою во Тьму для себя. И весь мир утонет в Бездне моих глаз с моим последним вздохом.

Портал

Когда я была маленькой, мы жили в маленькой квартирке в маленьком подмосковном городишке...

Я помню запах влаги, пыли и плесени, помню ржавые подтеки на сыпящемся потолке, с которого время от времени отрывались и падали вниз глыбы известки. Помню деревянные облезлые половицы, вонзающие занозы в ноги и руки. Помню шорох и писк мышей по ночам. С тех самых пор запах плесени и влаги ассоциируется у меня с домом и детством.

В той квартире мы жили втроем – я, тогда еще не поступившая в школу, двоюродная бабушка, сидевшая со мной и хлопотавшая по хозяйству, и мама. Мы с бабушкой занимали большую комнату, мама ютилась в маленькой. В маминой комнате, в самом дальнем углу стоял старинный книжный шкаф, к которому было не подступиться из – за наваленных вокруг мешков и баулов с вещами. Мне всегда хотелось посмотреть книги оттуда, но добраться до него было сложно, а уж оттащить мешки, баррикадирующие дверь шкафа тем более.

Когда мамы не было дома, та комната пугала меня... Иногда мне казалось, что там, за завалами, за задней стенкой шкафа (где по словам старших стояла большая икона Ангела Спасителя – что она делала за шкафом мне не ясно до сих пор) есть проход в другой мир. И стоит мне остаться одной,

как из него, учуяв меня, полезут жуткие и голодные монстры. Они утащат меня к себе или даже съедят на месте – и кто знает, что из этого лучше.

Пару раз, в полудреме или во снах, очень похожих на реальность я видела их. Один раз перед рассветом это был темный силуэт великана, ростом до потолка со странной формой головы – в темноте казалось, что на нем колпак, как у палача. Он неподвижно стоял, зияя в дверном проеме, а за его спиной стояла кровать со спящей мамой. У меня же, застывшей от ужаса, в голове вертелось лишь одно слово, – мясник. В другой раз это были нагие и безликие худощавые создания, со складчатой кожей и заострёнными конечностями. Они копались в подушках пустующего дивана в другом конце комнаты, терзая матрас, а по квартире от них расходился кровавый дым. Мне говорили тогда, что эти монстры – лишь плод моей фантазии, не стоящий внимания, но сейчас, когда я пишу про них, я чувствую, словно этим я открываю для них портал в эту реальность.

И поэтому я каждый день ходила хвостиком за бабушкой – во мне теплилась надежда, что со взрослыми они не справятся. Лишь бы не оставаться одной, лишь бы не стать их добычей. Особенно жутко становилось ночью – мама возвращалась очень поздно, и ее комната пустовала до полуночи, а то и дольше.

И мы с бабушкой ждали ее. Мама ехала из другого города с работы на поезде, а возле станции рос лес. Говорили и до

сих пор говорят, что в том лесу нередко находят трупы. И поэтому каждую ночь – мы, затаив дыхание, ждали – придет, не придет.

Помню, как бабушка брала черную ленту с вышитой позолотой молитвой и читала. Иногда, ввиду возраста и переживаний, у нее начинало болеть сердце. В такие моменты она пугалась уже за свою жизнь и хваталась за лекарства, наполняя комнату запахом корвалола и валерианы. И я понимала, что она может умереть. И тогда, тогда я останусь одна ночью в квартире, а чудища то не спят. Отец часто бывал в другой стране, а приезжая в Россию, жил в другом городе. Дедушка жил в получасе ходьбы на краю того самого леса. Но разве монстрам с той стороны не хватит этого получаса, чтобы проглотить меня целиком?

Я люблю ночь, ведь ночью мама приходила домой. Но та же самая ночь могла забрать у меня маму навсегда.

Прошли годы, мы давно переехали – в город побольше, квартиру получше. Но порой, закрывая глаза, я вижу портал в комнате моей мамы. Я словно сижу на кресле наподобие трона, спиной упираясь в пульсирующую искрящуюся молниями дыру, а по бокам от меня из нее ползут темные твари, заполняя наш мир. Мои руки скользят по их телам, мои пальцы гладят их шерсть, а волосы развеваются от их дыхания. Нет, мне больше не страшно.

Другие люди живут в той квартире, нет больше того завала и книжного шкафа в углу, давно уже сделан ремонт, не

пахнет сыростью, и не капает с потолка. Но я знаю – люди приходят и уходят, рождаются и умирают, а портал, что соединяет прошлое и настоящее, изнанку и наш мир останется навсегда – в том доме и в моем детстве.

Письмо Другому

Нередко, строя отношения, люди с надеждой и мечтами смотрят в будущее. Но я каждый раз с тревогой вспоминаю прошлое – и не только свои прежние отношения. Я вспоминаю своих родителей, истории про их родителей, а также рассказы друзей и знакомых.

И я думаю – неужели все это повторится и с нами? Каждую нашу ссору я воспринимаю как шаг, приближающий нас к этой ловушке. А может мы в ней с самого начала, просто пока тешим себя надеждой? Надеждой, что мы не такие, что мы можем стать лучше, сильнее, свободнее.

Я не хочу романтики, цветов, конфет, денег, штампа в паспорте, семьи и детей. Будет – будет, не будет – ну что ж. Но я хочу, чтобы у меня был дом – настоящий, уютный и свой. Там, где меня примут и будут считать родной.

Я знаю, что жизнь тебя ранила, и боюсь, не в последний раз. Мы оба тащим за собой тяжкий груз из прошлого, и Бог знает, что еще подберем по дороге. Но страшно оставаться с этим грузом один на один – кто подставит плечо и залечит раны, если я не справлюсь в одиночку?

Порой мне кажется, что в любви огромную долю занимает страх – страх одиночества, страх, что никто не увидит тебя настоящего, не примет. Жаль лишь, что многие истории любви эти страхи питают, а не исцеляют от них.

Я не хочу тебя менять, но я хочу расти вместе с тобой. И возрождаясь после каждого метаморфоза в новом облике, влюбляться друг в друга, словно в первый раз.

Я сожалею, что мы никогда не сможем увидеть друг друга полностью, вечно блуждая в проекциях своего искаженного восприятия и прикрываясь, стыдясь наготы собственной души. Мы так и будем кружиться – между тягой к слиянию, что срывает все маски и рушит все стены и стремлением к сохранению своего собственного Я.

Я не буду рассказывать тебе как я тебя люблю – такими признаниями сейчас разбрасываются направо и налево. Но я расскажу тебе как мне страшно, как я боюсь своей уязвимости перед тобой, боюсь, что в какой-то момент мы с тобой повернем не туда, и наши отношения в лучшем случае разрушатся, в худшем – превратятся в пожизненную агонию, прекратить которую нам не хватит смелости. Каждый раз мучительно жутко касаться тебя и столь же мучительно сладко. Я не буду рассказывать тебе о своей любви – о любви и так написано слишком много, я расскажу тебе о своем страхе, ведь если, невзирая на него, я иду навстречу тебе, значит для меня это действительно важно.

И я могу лишь протянуть тебе руку – как такой же испуганный ребенок, как и ты. Я не верю в счастливое будущее, но пока надежда все еще есть. И пока она есть, я буду держать тебя за руку, чтобы не потеряться в этом огромном мире.

Танец

Я всегда буду помнить наш танец возле костра. Искры, летящие в темное, словно бездна, ночное небо. Лес, окружающий нас плотным кольцом. Темный и живой – среди переплетений ветвей мелькают юркие тени – посланники Древних Богов, которым мы посвящаем наш танец. Жар костра и дуновение ветра, капли ледяной воды, скатывающейся по коже, мягкий мох и колючие иглы под ногами. Тепло тел моих названных братьев и сестер. Их лица, разгоряченные пляской и озаренные пламенем костра, их горящие глаза, полные жизни и желания.

В те времена мы вместе спускались во Тьму, исследуя лабиринты подземелий. И не страшились заплутать там, не страшились тех чудищ и прочих опасностей, что подстерегали нас в переплетениях подземных ходов. В каждом из нас сияло яркое Солнце, которое озаряло нашу дорогу, и было нашей путеводной Звездой. И каждый раз мы погружались все глубже и глубже, вгрызаясь в земную твердь, открывая для себя все новые и новые закоулки этого бесконечного лабиринта.

Я всегда буду помнить, как во время танца мы один за другим обернулись черными птицами и бросились напрямик в пламя. Дикая крики пронзали темный лес пока наши тела обращались в пепел. Через пламя, через Смерть мы совер-

шали полет – в иные места, в иные миры, в иные времена и пространства. Дабы однажды вновь открыть глаза.

Я сменила много обличий, но всегда вспоминаю вас, мои братья и сестры вороны. И мне до жути любопытно, слышите ли вы меня, когда я, пребывая в непонятной для меня самой тоске зову вас вновь и вновь. Слышите ли вы, как я приглашаю вас на еще один танец?

Зеркало. Рефлексия

Когда я хожу по Земле, ты ходишь под Землей. И в какой-то момент наши стопы соприкасаются, давая опору друг другу. Пока я жива, между нами всегда будет тонкая грань, но стоит мне умереть, и я перейду в твой мир.

Я не могу вырвать тебя из недр порождающей и пожирающей Земли, но, когда придет мое время, я сойду в них следом за тобой. Мой прекрасный мертвый ангел, мы с тобой обязательно встретимся.

Посвящается моему брату, который так и не появился на свет.

Червь

На дне Бездны в Абсолютной Тьме копошатся мои собратья, вытягивая свои алчущие клыкастые пасти вверх, откуда до них доходит чарующий Аромат Жизни.

Я же – живу в тебе. Свернувшись тугими кольцами, оплетаю твое сердце, извиваюсь промеж твоих ребер. Я проникаю в твои сосуды, и дышу на твоем вздохе, пульсируя в унисон с твоим сердцебиением.

Твое тело – мой Храм, твоя кровь – моя жизнь, твои желания – молитвы ко мне. Я, избороздивший тебя вдоль и поперек, знаю тебя как никто другой. Мог ли ты мечтать о подобной близости?

Узнав обо мне, ты впадешь в ужас и ярость. Но я внутри тебя только потому что ты сам этого жаждешь. Жаждешь жаждущего меня.

Храм Огня. Обращение

Я слышу Зов, что манит меня. Неведомая мне прежде сила неумолимо влечет меня. И я оказываюсь посреди холода и тьмы безмолвных просторов космоса. Но вскоре посреди той тьмы рождается сгусток ослепительного света, полыхающего жарким и жадным пламенем. А внутри того сгустка зияет воронка, с жадностью втягивающая и поглощающая все вокруг.

Огненный шар протягивает ко мне свои ненасытные лучи – щупальца, пытаюсь запутать меня в своей паутине. Я ощущаю ужас, но мне некуда бежать посреди этой космической бездны. Остается лишь одно – довериться Зову и протянуть руку навстречу ослепляющему сиянию, коснуться его, ощутив его обжигающий жар.

И в этот момент я сама становлюсь источник того света, теперь его пламя горит внутри меня, и я протягиваю его – теперь уже мои щупальца дабы объять ими весь мир.

Я смотрю на мир влюбленными глазами и жажду его так, словно он был бы моим Возлюбленным. И из глотки космической тьмы, порожденные ею выплывают образы – формы, истории, воплощения. И я в упоении погружаюсь в них, смакуя и пожирая их, приветствуя и воспевая их в своем танце.

За каждой формой скрывается череда трансформацией, мгновений, за каждым действием прячется бездна смысла.

Разрушай оковы, разбивай замки и разноси в пыль все щиты и границы! Смотри влюбленными глазами, смотри, страстно припадая губами к этому бесконечному Источнику, смотри и вкушай!

Да пребудет в тебе Пламя Желаний, Пламя Страстей! И да будет твой Голод актом Любви ко всему сущему!

Гнев

Если случится самое страшное, внешне я буду улыбаться тебе, но внутри часть меня все так же будет беречь тебя, пытаться забыть и простить, а часть будет призывать твоих палачей.

Жизнь в мире людей непроста, но в ином мире есть существа после мгновения, с которыми тебе начинает казаться, что единственный выход – это смерть. Но стоит человеку пересечь Грань, а их объятия становятся лишь крепче. Ни Жизнь, ни Смерть, а лишь Искупление может окончить ту агонию, что они даруют.

Если случится самое страшное, если твой проступок будет стоить слишком дорого, я не знаю смогу ли я сдержать свой гнев. Я не знаю смогу ли сдержать сотни невидимых глазу червей, вечно алчущих, не ведающих за своим голодом ни страха, ни жалости, что проникнут в тебя, ведомые моим гневом. Гневом, который отопрет для них твою плоть и твою душу. Если я отдам им ключ от тебя, они разорвут тебя на части, половину из них скормив мне в оплату, оставив лишь оболочку.

Жизнь в мире людей непроста, а порой ужасна. Но в ином мире есть существа, после которых эта жизнь представится невинной сказкой.

А пока молись всем своим Богам, ведь если случится са-

мое страшное, если случится самое страшное может стать
так, что ни я, ни твоя Смерть не спасут тебя.

Глаза

В моих глазах отпечатана вся моя жизнь. В моих глазах плещется море и шумит лес. В них застывшая буря и пламя костра, жар раскаленного солнцем песка, серые улочки, омытые ливнем, калейдоскоп красок на юбке индианки.

Капли крови, застывшие слезы, летящие искры, гладь океана.

Пар, исходящий от печки, обжигающий лед, охлаждающая утренняя роса.

Испуганный взгляд косули, стоявшей предо мной, остекленевший взгляд мертвеца, что никогда не встанет, глаз, что смотрит из капли воды – живой, копошащейся сотнями микроскопических существ.

Пронзающие небо дома, заброшенные избушки, брусника на болоте, мамино лицо, папины руки.

Лучики солнце, освещавшие мою детскую, Луна, скрывавшая мой танец.

Струящийся дым благовоний, чернота влажной земли под ногами, тьма ночного леса, огни города, вершины гор.

Слезы, улыбки, лица, руки, губы, вздохи, томные взгляды, взгляды презрения, глаза, полные ненависти, глаза полные тепла и любви.

И это никто и ничто, кроме Забвения и Смерти не способен у меня отобрать. Мое лицо покроют морщины, а между

ними все еще будут сиять глаза, поглотившие небо и землю.

Я тайком краду лучики у Солнца, собираю Звезды с неба, чтобы однажды подарить их тебе. Загляни в мои глаза, и ты увидишь все это, это мой главный подарок тебе. Я не бежала от радости, как и не бежала от горя, чтобы в моих глазах ты могу увидеть Жизнь.

А что я увижу в твоих глазах?

Жертвоприношение

На возвышении лежит белоснежная алтарная плита. Вокруг снуют люди, вблизи видны деревья, дома, здесь кипит жизнь. Я лежу, распятый на Алтаре. Моя грудная клетка раскрыта – ветер колышет обнаженные легкие, солнце согревает и без того горячее сердце. Кровь струится по белому камню, между травинок, букашек, капает в жадную черную землю, что глотками поглощает жизнь каплю за каплей. Красные нити крови золотятся в невидимом спектре, связывая меня в единую паутину с миром. Паутина пульсирует в такт с моим обнаженным сердцем.

Мне не больно – я в этом биении, в этой вибрации не чувствую боли. Я умираю, но мне не страшно. Ведь это никогда не закончится. Так было тысячи тысяч раз до и будет еще миллионы тысяч раз после.

Встань и иди

Верх и Низ – понятия относительные.

А что если Смерть – это рождение в Мире Мертвых?

Стоит мне протянуть руку тебе – и я наталкиваюсь на тонкую, но ощутимую грань. Касаясь ее, я чувствую, когда тыжимаешь на нее, я чувствую тепло и холод, исходящие от тебя, твои прикосновения, твои удары. Но я не могу коснуться тебя – всегда есть разделяющая пленка, граница, всегда я по другую сторону от тебя.

В моем ящике темно и тесно. Не увидеть, ни вздохнуть – лишь касаться давящих стен.

В темноту ночи летят темные комья земли. «Расхититель» бесстрашно протягивает ладонь прямо в хищную пасть раскопанной могилы, и из нее, из лона земли к нему тянется другая рука.

Я наконец то могу коснуться тебя.

Где же

Она помнит голос, что звал ее. Помнит звук падения капель Его крови, приготовленной для неё. Осторожно, крадучись, она подходила все ближе и ближе, затаившись в темноте ночного леса. А Он, закутанный с ног до головы в черные словно окружавший его лес одежды, стоял – с распротертыми руками, с капающей с запястья кровью, ожидая ее

прихода.

Она – нагая и дикая, словно лесной зверек, обходила его кругами, крадучись на четвереньках, пока не подошла совсем близко. И тогда она поднялась – медленно, вползая по нему словно змея, пока Он не ощутил ее дыхание на своих щеках. Она смотрела на Него горящим взором, а Он смотрел лишь вперед, боясь шелохнуться.

Раз за разом Он приходил в ночной лес, а она приходила к нему. В маленьком домике, затерянном во мгле, она сидела подле него. Она помнит тусклый свет лампы в полутьме, помнит его руки, мастерающие что – то на деревянном столе, помнит Его дыхание и биение крови в Его сосудах.

А затем Он пропал. А она все ждала и ждала. А она все искала и искала. Устремившись через лес – наружу, кричала, звала – под землей, над землей. Меняла маски одну за другой, затерявшись среди людей, но под маской той всегда скрывались ее глаза – её горящий, немигающий взор.

Она проникала везде и всюду, просачивалась через трещины, распуская щупальца – усики. Словно многоножка, цепляясь сотнями ножек, расстилалась по стенам, проползая, проникая, иссушая, питая.

Где же, где же, где же, где же, где же, где же, где же, где же...

Она – Женщина, что заставляет меня кричать.

Грань

Холодные воды озера обволакивают меня, кожа покрыва-

ется мурашками, но я упорно, пусть и медленно спускаюсь вниз – вглубь, в ледяную воду. А внизу – чернота. На мгновение нога ощущает опору, но стоит немного шевельнуться – и под ногами ничего кроме мягкого ила, в котором вязнут ступни, проваливаясь все больше и больше.

И на мгновение я хочу нырнуть туда, в эту черноту, позволив темной воде поглотить меня. И на мгновение мне хочется зарыться в этом иле, ощутив всем своим телом его холод и мягкость. Раствориться в этой воде, раствориться в этой земле. Смешаться с частичками тысяч существ, некогда обитавших тут, а сейчас затерявшихся в этом черном вязком илу.

И я, раскрываясь, прошу воду принять меня. Но погружаясь, я пугаюсь и всплываю наверх, а вода бережно держит меня на плаву. И я лежу на ней, на грани этой холодной тьмы и яркого света слепящего летнего солнца.

Черная вода – сама Бездна, держит меня, и так я могу смотреть вверх – на ясное небо, на яркое солнце, на остов мертвого дерева – белый, оголенный ветрами, тянущийся ввысь.

Платье в муравьях

Весь Мир распростерся на Её одеянии. Люди запутались в Её волосах.

Двуногие муравьишки все куда-то спешат – на работу, с работы, влюбиться, умереть, а Она единым движением руки, поправляя складки своего платья может смахнуть сотни – тысячи из них.

Я, пересекая Её бескрайний океан, знаю, что берега не будет. Стараясь удержаться на волнах, я не знаю какая из них снесет меня и бросит в темные воды, лишенные дна. Я мечтаю о Цели, но я даже не знаю куда Здесь можно прийти.

Так радуйтесь же, двуногие муравьи! Радуйтесь, что мы еще живы! Скинем мертвецов в воду и продолжим свой путь, ведущий вниз – в холодные пучины напрямик вслед за нами! А пока пляшите, кричите, пойте, пейте и упивайтесь! Качайтесь, катайтесь на волнах, оседлав потоки. Кто знает, что несет нас следующее мгновение!

Инструмент, что мечтал стать Богом

Впившись в твои губы, я пожираю тебя, пока ты пожирал меня. Я, попадая в Тебя, трансформируется под стать новой для себя Системе, сохраняя отпечаток своего Истока. Ты, попадая в Меня, наполняешь меня Собою, наполняешь меня Собой, что было Мною, что было Тобою. И только в сцепке, в пожирании Другого, в пожирании Себя, в пожирании Себя в Другом, мы создаем нечто новое. В этом и есть тайна Пожирателя.

Пожиратель чувствует себя хищником, загоняющим голые стада в свою ненасытную пасть. Но Пожиратель забывает, что он еще и Падальщик, перерабатывающий грязь.

Впитывай – вкусное, сочное, живое; пожирай – гниющее, слабое, увядающее, то, что не съест больше никто. Пожирая винтики, помни что ты и сам винтик, перерабатывай, перераспределяй.

Ты не Хозяин Потока, Поток бескраен, он лишь проходит через тебя. Не пытайся покорить то, что лишено границ, но стань проводником, что вместит в себя многое. Не покоряй Поток, но отдайся ему, и ты сам станешь Потокom.

Зов

И вот я снова тут – в маленькой деревянной избушке на краю селенья посреди темного леса. По одну сторону плещутся черные воды ледяного моря, отражая черноту ночного неба. По другую, растревоженный ветром шумит лес, серебрится под лунным светом.

Я стою на крыльце, внутри дома уют, тепло, люди, но я не спешу. Надо мной посреди темноты горит желтый фонарь, освещая ступени. А к нему, судорожно колошматясь о плафон, слетаются мотыльки.

Стоя на освещенном крыльце, я словно в оазисе посреди темноты первозданности. И я вглядываюсь в нее, а она взывает ко мне. И хватает меня, цепляет хваткими посеребренными ветками. Убаюкивает тихим шелестом...

Лес жаждет меня, лес скрывает невидимое – тех, кто бродит по нему бесшумно и называет меня сестрой. Тех, кто обещает мне раскрыть свои тайны, тех кто зовет меня бродить с ними по мягкому мху и колючим иголкам, омывая ноги холодной росой.

Если я шагну в темноту – они примут меня. Но стоит мне там испугаться, и я могу не вернуться назад. И тогда я буду бродить в том черном, посеребренном мире, лишенном солнечного света, а по другую сторону мое тело окоченеет к утру, принимая прощальные поцелуи восходящего солнца.

Братья мои, сестры мои, я слышу вас, я жажду вас! Я боюсь вас...

А пока, взглядываясь во тьму я мечтаю... Я мечтаю, как однажды, обуздав свой страх, я шагну в этот лес. И я мечтаю встретить там Тебя – видимого, из плоти, с пульсирующей по артериям кровью. Тебя – такого же, как и я перевертыша. Обернувшись, превратившись в зверей, мы бы скинули маски и преступили запреты, наслаждаясь друг другом в нашей животной игре. Выть, скулить, кусать, грызть, терзать, алкать, касаться, обожать, отдаваться и ничего не бояться, ничего не стыдиться. Оголенной кожей чувствовать сырую землю, ледяную воду и тепло чужого, но столь близкого, родного тела. Слышать, слушать пульс и дыхание посреди древнего леса.

Бежать, рассекая ногами – лапами траву, спотыкаясь о ветви и задыхаясь, жадно глотать холодный воздух. Прыгать с разбегу в темные воды, и ныряя вниз, не находить дна у бездны. Рычать, кусая теплое тело, скулить и ласкаться, обожая его.

А пока... А пока я делаю шаг с уютного крыльца. И за шагом шаг – и так каждый раз, отходя все дальше и дальше, погружаясь все глубже и глубже. А пока я надеюсь, что ты по ту сторону так же делаешь шаг во Тьму, и что ты идешь мне навстречу.

Мой прекрасный Зверь, ты как никто другой человечен.

Рыцарь Звезды

И код мой таков: Воздух Огня, 16 – 17.

Башня рушится, а рыцарь не видит обломков, летящий на его многострадальную голову. Одержимый, он несется в вихре разрушения, ведомый желанием сохранить жалкие остатки былого величия.

Стань безумен, рыцарь, ведь в разуме больше нет Истины. Разожги в себе огонь, что сожжет тебя дотла. Обратись в пепел, сбросив оковы тяжелой брони.

Твоя Башня пала, латы не спасут тебя, рыцарь, а мечом не собрать обломки.

Но Боги наградят тебя – даром и проклятьем, что поднимет черное облако пепла, обуреваемое жаждой. Восстань, рыцарь, ведь ты проснулся, ведь теперь что жизнь, что смерть – лишь поворот колеса по своей оси для тебя.

Твоя награда – твое желание поведет тебя вслед за Её светом. Светом Звезды, что горит посреди Бездны. Твоя награда – её лучи, тянущиеся из крошечной Тьмы, ярче и чище других источников Света.

В своем паломничестве к ней мы высекаем огонь из себя, чтобы осветить путь в темноте, мы сжигаем себя, чтобы невесомым пеплом перенестись через Бездну.

Дитя Богов. Алеф

И код мой таков: 0, (19), 22.

Когда я Вспоминаю, мои страхи остаются позади. Тысячи рук держат меня, а Боги качают мою колыбель.

Я как Дитя на руках моего Духа – покровителя. Он бережно держит меня, купая в солнечных лучах, и я в отражении его глаз становлюсь Солнцем. В них заключено столько любви, обращенной ко мне, что я перестаю бояться Смерти, зная, что в мире есть Кто – то, что столь сильно любит меня. Зная, что смысл моей Сути исполнен.

Я здесь, чтобы сказать Ему, что я люблю его. Я здесь, чтобы поведать о своей любви Миру – Солнцу, Небу, Земле, каждой травинке, каждому дереву. Чтобы нырнуть в морские глубины и признаться в любви, тем чудовищам, что скрываются в них.

Как Безумец я закричу, стараясь донести весть о своей Любви до всех уголков Вселенной. Я обойду ее вдоль и поперек в своем акте признания. Легко, непринужденно – принося жертвы и совершая подвиги, и все во Имя Её.

Я есть начало и конец, но у меня нет начала и конца. Смело шагаю в Бездну, но знаю – ЭТО не закончится никогда.

Дорога НеЗнания

И код мой таков: долой коды, да летят они Тартарары.

Когда я родился, меня посвятили в Мудрецы, и всю жизнь я нес бремя того Посвящения. Но за той маской, я лишь Глупец.

Я Глупец! Я Глупец! Я не помню, я не знаю НИ – ЧЕ – ГО! Во мне множество дыр, из которых я истекаю знаниями: запомнилось – забылось, пришло – ушло, исказилось.

Я не хочу больше имен, дат и слов, не вмещающих Сути, я хочу чувствовать вкус на своем языке, смотреть в глаза и касаться руками. Я не хочу больше учить, я хочу жить, я хочу проживать.

Долой маску лже – посвящения. Мой путь – путь Дурака.

Повелительница Жезлов

И код мой таков: Вода Огня.

В бешеной пляске её ноги высекают искры из чёрной земли. В чёрных глазах зажигает искры один вид её танца.

Жрица пляшет, а вокруг стоят Люди. Жрица пляшет, а вокруг стоят НеЛюди.

Жадно, с упоением ловят взглядом каждое Её движение – Её Тело учит, Её Тело ведет за собой, Её Тело священо.

Жрица поет, Жрица кричит, Жрица зовет.

– Восстань и иди ко мне! Проснись и иди ко мне! Дети Богов, Воплощения Богов, танцуйте со мной!

Змея просыпается, змея бьётся в бешеном танце, устремляется вверх, разрушая все преграды на своем пути.

Круг бьётся в экстазе, наслаждаясь, упиваясь своим пробуждением.

Для оргазма не нужно трения, обнажения, для него хватит и взгляда, вдоха, легкого прикосновения.

Круг взрывается, на лбу у каждого стоит её метка – метка Повелительницы Жезлов и падает ниц, отключаясь, проваливаясь во Тьму, дабы затем по – настоящему Проснуться.

Слепая гончая

И код мой таков: Воздух воздуха, ведущий 15 к 16 во имя 0.

Я расскажу тебе, как найти Паука.

Закрой глаза, заткни уши, дабы не попасться в его сети. Истреби жалость, забудь про стыд, преодолей страх – он будет искушать тебя, он будет пугать тебя, он будет стыдить тебя.

Большинство смотрит глазами – и большинство не видит. Желай, возжелай и почувствуй. Лишь слепой Зверь найдет Паука. Его слепота будет его защитой, воля и голод – его проводниками, а алчущая пасть позволит пройти через все преграды, через вся и всех – прогрызая свой путь насквозь.

Чувствуй вкус его следов на паутине и следуй – следуй столько сколько понадобится. Зверь не остановится, Зверь не устанет, и Зверь не умрет. Устремленный к Ядру он не видит преград, и потому проходит через них.

Лишь Зверю суждено поглотить Паука, но поглотив, он будет поглощен. Божественное, воплощенное в животном, созидание, облеченное в разрушение. Паутина содрогнется, завибрирует в танце и никогда не будет прежней.

Самая страшная история из написанных мною

Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте.

Льюис Кэрролл

«Алиса в Стране Чудес»

Молодежь глупа, безнравственна, испорчена. Сидят на нашей шее, пьют наши соки.

Да, мы глупы. Мы рассеянны и забывчивы – забываем про выходные, забываем про отдых, забываем про себя. Пытаюсь поднять неподъёмное, совершаем ошибки, не имея ни опыта, ни опоры под ногами. Мы глупы, потому что, выкатив глаза, силится бежать вперед, в точку, где можно будет остановиться. Но еще не знаем, что плата будет слишком высока. Желанные мгновения покоя или славы разрушаться, пронзенные болью наших затасканных тел. Плата за те мгновения не даст нам насладиться ими.

Мы аморальны. Пьем алкоголь литрами, трахаемся словно кролики, упарываемся всякой дрянью – лишь бы на мгновения отключиться, выйти из этой реальности, позабыв о Гонке.

Нас много, но нас нет вообще – каждая личность единой массой движется, каждый кричит, о чем – то своем, но ни-

кого не слышно. Будь гениален, будь талантлив, будь трудолюбив, но тебе не переплюнуть того, кто снял штаны перед камерой.

Быстрее, сильнее, громче – что в сексе, что в жизни это не работает. Оргазмирующее, охваченное страстью, жаром молодое тело бросается в ледяные объятия своей Матушке Смерти. Да, это успех! Беги – и все соберутся ради тебя, побросав все дела, когда ты ляжешь чтобы не встать больше никогда.

Молись Богам, молись науке, молись другим, себе, великому гуру. Обращая свой взор к Небесам, прыгай вверх, но помни – тебя не спасут. Ты – жертва для Истинных Богов – Тяжелой Участи, Старости и Смерти.

Нет ни дома, ни твердой земли под ногами. Нет ни сна, ни времени – мы молоды, амбициозны, талантливы и мы убиваем себя.

Встреча с Ангелом

Я вижу тебя постоянно – дымкой в моих видениях. Образ, что не поймать взглядом, образ, утекающий сквозь пальцы.

А я смотрю, не в силах оторвать внутреннего взора от твоего взгляда. В глаза, в которых плещется море и возвышаются горы, куда-то бегут люди и мерцают звезды – в глаза, в которых тонет мгновение, обращаясь в вечность. Нет здесь и сейчас – есть всегда и везде. Там – у Истока, обращенные в Свет, все формы едины.

Я хочу коснуться тебя, но в паре шагов заключена целая Бездна. Рывок через нее – и меня больше не будет. Развеянная, растворюсь в твоих глазах – здесь и сейчас, тогда и там – везде, всюду и нигде.

Я пытаюсь рассказать о тебе, но мне не хватает слов, я пытаюсь нарисовать твои глаза, но у меня заплетаются руки. Мои песни, танцы, крики, картины, крики и стоны – лишь крупинцы твоего необъятного взгляда.

Прошу тебя, дай мне чуть больше времени, чтобы осыпать мир осколками тебя.

Прошу тебя, дай мне чуть больше сил, чтобы я могла озарить мир твоим светом.

Прошу тебя, дай мне чуть больше удачи, чтобы я могла согреть людей твоим теплом.

Прошу тебя, дай мне чуть больше смелости, чтобы я могла

идти дальше.

Прошу тебя, дай мне чуть больше памяти, чтобы всегда помнить о том, кто я.

Спрут

Голод мой, жажда мои безмерны.

Ах если бы я смогла обратиться спрутом – всепроникающим, вползающим в души. Обвивающим щупальцами, нежно обволакивающим, просачивающимся в расщелины, страстно оплетающим, пожирающим, но не разрушающим – смаковать мир, наслаждаясь каждым мгновением. Каждая песчинка – это алмаз, каждая душа – это звезда. Спрутом, простирающим щупальца через время, листающим его словно книгу, объединяющим паутиной себя всё в единое целое. Может тогда я смогла бы выразить свою любовь.

Сказочник

Я здесь, чтобы рассказать их истории. Истории, что можно подглядеть лишь краем глаза, прочитать только в черных узорах пепла. Истории, что можно услышать только в полусне.

Невидимые, абстрактные, неприкасаемые – расплываются везде и повсюду, затопляя мой мир. Сон наяву, что я никогда не смогу позабыть. Формы, цвета, ощущения – неуловимые, в постоянном движении. Я бегу вслед – не догоняю, из воспоминаний слагаю строки, собираю мозаики – картины. Но их никто не слышит, их никто не читает, не смотрит.

Сказочник сойдет с ума от своих сказок – всеми забытый, никому не нужный, сядет у стенки в запыленной квартире. Слюни пуская, уставится в стену. Сказки – самые чудесные, самые живые, настоящие, взаправдашние, но никому кроме него нет до них дела.

Ведьмин Возлюбленный

Однажды, но лишь однажды Ведьма влюбилась.

– Я люблю тебя – чисто, искреннее, но вот беда, люди вызывают у меня лишь презрение, – призналась она прекрасному юноше.

В лицо маску она ему припаяла, переломала все кости, в кожу вживила черные перья и выжгла все человеческое.

– Надругательство над такой красотой священо. Крик твоей боли будит Тех, Кто спал уже очень давно, – нежно шептала Ведьма своему возлюбленному.

Он зашелся криком от боли, обратился черным вороном и унесся в Бездну.

Лицо Бога

Нельзя смотреть в Лицо Бога, нельзя вынести столь яркого света.

Благовари мораль, законы, учебы, религию, устои, нравы – все костыли, на которых ты ходишь, все щиты что от тебя скрывают тот огненный Образ. Благовари пустые книги, пустые мудрые речи, тысячекратно благовари их. Но неизбежно, не смотря на все их защиты, ты узнаешь его в деталях картин, музыкальной мелодии, отблеске солнца дуновении ветра – узнаешь и сгоришь.

Свет Звезды пронзает Вселенную, рассекает, проникает, заполняет – ни один из мужей и дочерей человеческих не даруют тебе такое удовольствия в близости. Взрыв, расширяющие границы, эктаз безумия, оргазм, что нельзя прекратить. Чарующий, поглощающий, питающий – ты словно одержим им, ненасытен, отчаянен. Мгновения оргазма даруют блаженство, минуты, часы – даруют блаженство и боль.

Нечто неуловимое, безымянное, выше всех имен и званий, выше жизни и смерти, но пронзающее каждое мгновение существования. Ужасное, сладкое, непознаваемое – и такое манящее. Дух горит в сгорающем теле – не страшны костры Инквизиции, что плачут по тому, кто горит в открытом и чистом Пламени.

Стены рушатся, мир рушится, я рушусь – пересобираюсь,

возрождаюсь, воскресаю. Крик исторгается из недр моего тела, обращенный к Безымянному. Я призываю, я взываю – сам не ведая что явится на мой зов.

Безымянный

Мне часто снятся мертвецы. Мне часто снятся странные существа – обычно лишенные плоти, уводящие меня куда – то.

И мне часто снится он. Он так похож на тех, кого я знаю, и при этом я совсем его не знаю. Я не знаю кто он, и не знаю почему я его вижу.

Иногда он предстает предо мною в темных одеждах из плотной ткани, расшитой камнями, иногда – обнаженный. Застывший в ледяной воде под толщею льда. В такие моменты я не ощущаю желаний к нему как к мужчине, но все равно хочу коснуться его, чтобы ощутить мягкость кожи, уязвимость плоти, словно в этом обнажении и заключается суть, абсолютная искренность.

Я не рядом с ним, но тоже где-то посреди этих темных вод. Тут очень холодно, но я могу расслабиться на волнах этого океана и даже создать их, излучая импульсы, влияя на движение вод. Иногда, оперевшись на волны, вглядываясь в их темные чуть багряные узоры я вижу картинки – истории, то что было, что есть и что будет. Я могу вкушать их, пропитываться ими, тем самым облекая себя в плоть, обретая жизнь.

Обретая жизнь, я словно теряю память, но порой в глазах темнеет, зрение теряет фокус и «реальность» плывет подобно дымке. В такие моменты я словно вспоминаю, что

этот мир – лишь отражение, заключенное в водах первичного океана.

Находясь там, я хочу поддержать его, рассказать ему, что это лишь одно из мест, где мы можем быть. Мы не знаем сколько мы будем здесь и куда попадем, и попадем ли вообще, но дверь может открыться в любой момент.

Но захочет ли он войти в эту дверь? Если нет – неужели я окажусь одна по другую сторону. Как мне жить тогда? Как мне жить в мире людей, учиться. Ходить на работу, вставать по утрам, любить, если я знаю, что есть что – то еще? Как мне жить в мире, в котором я не смогу заглянуть в его глаза? Как мне удержаться от желания заглянуть за грань, от рискованного любопытства смертью, от постоянного поиска дверей?

Иногда мне представляется, что Он живет под землей, а голоса шепчут мне, что он давно уже мертв. Иногда я пытаюсь убедить себя, что он часть меня. Но точно я знаю лишь об одном – о своем желании, желании встретить его в этом отраженном мире.

Я не знаю, не верю в Его реальность, хотя порой он кажется мне намного реальнее мира, к которому меня приучили. Но я думаю, что-то что зарождается во мне в контакте с ним и послужит моим пробуждением.

Лунные дети

Для кого-то её лик подобен свету безграничной любви, для кого-то – ужасу пожирающей пустоты.

Богиня, что дарует жизнь, Богиня, что из милости её забирает, возвращая детей своих в свое лоно. Детей, что не помнят её. Детей, которых разрывает от тоски и желания, от устремления к Ней, от тяги друг к другу. Окропляя землю своими слезами, вызывая своими стонами, они сами не ведают что творят.

Милостивая, Ужасная, Она создала иных Детей – сверкающие Искры, что помнят о первичной природе Желания. Несущие Наслаждение, Они, спустились к братьям и сестрам своим. Увидев их хоть раз, ты не сможешь оторвать глаз от них боле. Легкие, играющие, вечные дети, воплощения неги, изливание страсти – соединяясь с ними ты не будешь больше ни Живым, ни Мертвым. Кто-то будет пускать слюни и потеряется в конец, поглощенный их необузданным голодом, иной же найдёт Ключ и проснется.

Братья Вороны

И когда придёт мой черёд умирать, я спою вам песню свою.

Заберите меня, братья Вороны. Унесите, закройте от глаз людских чёрными крыльями.

Утопите меня в студеном озере, сожгите меня в алом пламени. Развейте тот пепел по ветру, закопайте в земле, вернув меня Матери.

Заберите меня, Братья Вороны, и буду жить вечно я, не ведая страха.

Письмо Вампиру

Сын Матери Нахемы, Повелитель Страхов, Повелитель Желаний. Воспитанник Теней и их Господин. Метятся в сердце тебе, но не в нем горит твой огонь. Вечно Юный – Вечное Дитя, Невинный Ребенок, Паразит, Соблазнитель, в шепоте моем имя твое – Мастер...

Убитый в утробе своей земной Матери, нелюбим, недолюблен, невскормлен, ты был отдан Ей, своей Королеве – не живой, и не мертвый. Пей, ешь, наслаждайся – эту Бездну ничем не заполнить!

Обвиняют во Зле, виноват же лишь в Знании. Жажущий Бога как никто другой, чувствуешь иллюзорность границ, проверяешь крепость нитей. Отлученный от Церкви, как несущий память о Боге Едином.

Не пытайся бежать, не пытайся спастись. Нет иного Закона кроме Голода. Нет иного Насыщение кроме Любви и Слияния. Брат мой, Возлюбленный мой, Господин мой, Раб мой! В жажде меня, ты жаждешь себя, ведь нет никого кроме тебя, нет никого кроме меня. Есть одно лишь Я.

Клейменный Падшим, ты устремляешься вверх. Желанный, жаждущий – пусть же пламя желаний твоих, сожжет тебя, обратит тебя в пепел, и тогда, черным пеплом, алым фениксом через пустыню Тьмы ты вернешься к Отцу и Матери. Принц коронованный, проглотив океан бездонный по-

глотишься им. Твой покой лишь там – в гибели, в слиянии, в утробе неразделенного Хаоса. Развеешься временем, рассыплешься формами – и нет тебя. Лишь услышу твой шепот в ночи, тихий голос сквозь сон, ведь однажды и я сойду вслед за тобой, ведь однажды и я стану светом Луны.

А пока – пей, упивайся! Пробуждая жажду, желай, Сын Нахемы, Принц Наслаждений!

Соединение

Кто – то ищет богатого, кто – то желает красивого.

Я же зову помнящего...

Порой мне кажется, порой вспоминается, что я есть в каждом мгновении. В каждом мгновении, в каждой крупине времени я вижу себя, и я вижу тебя.

За внешним обликом скрыто множество образов, множество масок и множество лиц – и все это ты. Перед глазами моими мелькают формы тебя, а я все меняю формы себя.

Бог разбился на части, и те части забыли... Вспомни же, вспомни...

Позволь мне ласкать тело твое, и я обращу свои молитвы к тебе. Спустишься со мной на самое дно, где начало всех форм. Жизнь в страдание, пока есть границы. Нет границ у тебя, у меня – есть лишь грани. Нету сроков, нет времени. Ты состаришься, а я буду шептать тебе на ухо, – О Бессмертный, не бойся старости, не бойся времени. Это никогда не закончится.

Я зову тебя, пробуждаю тебя, призываю тебя. Пусть пугает мир, пусть стены сдвигаются – помни, помни, помни, что так было всегда, помни что Ты был всегда. Это было нашей вечной игрой, так играй же в нее с наслаждением.

Боги занимались любовью, когда нас создавали и сами давно стали нами. Отстраняясь, сливаясь, через боль, через

радость, созидая и разрушая. Все – лишь формы экстаза. Помни, помни об этом. Помни, когда узнаешь меня, помни, когда будешь со мной, помни, когда будешь во мне, помни, когда будешь Мной.

Белой дороги

Рожденный умереть, впихнутый, втиснутый в Бытие. Крючишься, пролазаешь, нащупываешь – место свое, тело свое, душу свою. Сдавленный, потерянный, ловишь глазами мерцание, колыхание дымки – реальность дрожит, колеблется, истончается, прорывается.

А за ней... Сладкий опиум Вечности, манящий, дурящий мне голову. Иллюзия затерявшегося разума или старое, древнее воспоминание...

И когда через дымку, через бреши, я обращаю свой взор на Иных – столь близких и столь знакомых, я словно возвращаюсь домой в свой Мир – Мир, лишенный преград, пустоты Небытия и ужаса Жизни. Лишь одно бесконечное, безграничное Путешествие. Форм моих неисчислимо множество. Люди, Звери, Иные – братья мои, сестры мои, идите со мной, будьте со мной, приходите и уходите, чтобы снова вернуться – в ином обличье, но всегда вспоминая друг – друга.

Старый Друг, я помню тебя. Открой мне Врата, а я открою в ответ. Пусть стекают иллюзии того, что нам казалось непреложною Истиной, растворяются стены той мнимой реальности, в которой мы были заперты, лишенные памяти. И пусть, пусть это никогда не закончится...

Обернись

Просто поиграй со мной, поиграй со мною в животных...

На пределе своего Естества, чувствуя биение Жизни в своем теле.

Мне не нужно клятв, ни пустых обещаний, признаний. Что толку в данном слове, если не можешь держать его целую вечность.

Я стираю лицо тебе, ведь оно не твое. И глаза на нем не твои – я вижу, я знаю.

Мы не сможем оправдать тех надежд, что на нас возложили. Обернись, просто обернись. И пусть мы замерзнем в той темноте из которой пришли и в которую поспешили вернуться. И пусть ветер дует нам в обнаженные спины, травы щекочут босые стопы, а влажные камни режут беззащитную кожу.

И в этом лесу, в этом лесу, нас никто никогда не найдет.

Дом

Каждый раз, когда на глаза наворачиваются слезы, я вспоминаю тебя. Тебя, кто осушает слезы мои, тебя, кто закрывает меня черными крыльями от мира, что ранит меня.

Видела ли я тебя теми самыми глазами? Нет и еще раз нет, но откуда-то я знаю и помню тебя. Что если, каждый раз мечтая о тебе, я отражаю твои мечты обо мне? Обоюдными страхами мы разделяем себя расстоянием, возводим стены, через которые нам не услышать криков друг друга.

Не вижу, не знаю, лишь помню – полумрак маленькой избушки посреди темного леса, озаряемого тусклым светом свечей. Помню багрово красное, кровавое покрывало, на котором я лежу в углу комнаты. Гладкое, чуть прохладное, с еле заметными узорами, приятно охлаждающее мою обнаженную кожу. Помню Тени, заметные лишь боковым зрением, скользящие меж углами – Бесы, пляшущие в свете огня. И помню тебя, образ твой – повернутый ко мне спиной, в черных одеяниях, и столь усердно мастерящий Нечто за своим столом в пламени свечей. Мне так спокойно в доме твоём, наблюдать за тем, как ты творишь, как ты плетешь свой собственный мир посреди Мрака темного леса вокруг.

Но ты оборачиваешься, ты замечаешь меня – обнаженную, беззащитную и пугаешься. И я вижу лицо твое, что расплывается в памяти моей. Ты бежишь прочь от этого нава-

ждения, проваливаясь в снегу заледеневшего леса.

Лишь пятачок холодного света в этой темной чаше, озаряющий дом твой, стекающий по телам нашим. Ты – столь ошарашенный, растрепанный и до боли знакомый мне, застываешь предо мною. Ноги мои пронзает холод следов твоих, снег тает на раскаленной коже моей, и я слышу их – тех, кого скрывает мрак ночи. И я пою тебе, пою тебе о пришествии их. Тело мое стремится сломаться, исказиться, обратиться, принять облик тех, кто сокрыт в темной чаше, и тех, кто устремлен к свету, к теплу дома твоего. Ноги мои истончаются, тело мое изгибается, а глаза не видят боле ничего кроме мрака Ночи.

Голод – Господин мой, но звук твоего дыхания звучит для меня громче Зова его. И я возвращаюсь, возвращаюсь к тебе. Дом твой – оплот мой, растворяю. Топлю стены красками, разрываю порталами, вихрями. Страшно тебе, меня звавшему? Я здесь ради тебя, так даруй же мне мой дом, мое утешение, и я стану дверью тебе, дверью, что ведет всюду и всегда.

Паук, сеть плетущий, следуй нитям своим.

Страж порога

Меж горных вершин, в непознанной глуши, тайной, сокрытой на границе небес и земли, распростер свое тело Творец. Раскинул паучьи лапы свои, свесил брюхо мохнатое над горными тропами.

Мастер, Страж Порога, стерегущий тайны подземных пещер – я иду к тебе той смертельной тропой, что облита ядом твоим. Тело твое надо мной, покровитель вершин, повелитель пустынь – ты увидишь меня на дороге к тебе, множеством глаз осмотришь меня и рассыпавшись на сотни частей, окружишь меня.

Реки яда твоего подступают к ногам моим, пасти твои стремятся поглотить меня, но влюбленно глядя в глаза твои, я вижу в своем отражении в них спасенье свое.

Принимая тебя, я обретаю благословение твое.

Анимус

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;

Веселого много в моей стороне:

Цветы бирюзовы, жемчужны струи;

Из золота слиты чертоги мои».

Иоганн Вольфганг Гёте. Лесной царь.

Я боюсь чужих теплых взглядов, нежных касаний и протянутых рук. Приближаясь к границе между мной и другими, чувствую жар их и снова скрываюсь.

Наверное, это есть и одна из главных человеческих бед – столь стремиться к Другому и столь бояться потерять самого себя. Не так страшен холод одиночества, как ожоги, что приносит нам столь желанное и столь пугающее чувство любви.

По ночам, в своих снах я как наяву вижу свой дом, но он оживает. Громкий топот в коридорах заставляет меня затаиться до тех пор, пока Тени не проскользнут в мою комнату. И меня ведут – раз за разом, к Нему.

Я не знаю ни его лица, и ни имени. Знаю лишь что ходит он промеж Теней, мертвецов как Господин. А они готовят меня, ему на выданье, в месте, где царит холод и мрак.

В Смерти мы становимся снова едины. До Рождения, мы

едины с утробой матери и страшаюсь Смерти, боимся вернуться в нее. И я боюсь Его, боюсь в нем потеряться.

Я убегая, и возвращаюсь, меня возвращают, и я ищу – пробираясь меж Теней, что, то сами приводят меня, то, то-мимые голодом, скалят на меня хищные пасти.

Но больше всего я боюсь себя – я боюсь оказаться не той, недостойной. Боюсь, но желаю, что образ его обрстет плотью и кровью, что узнаю я в нем человека – и разочаруюсь как во всем остальном...

Глядя на расплывчатый образ из сновидений, я понимаю, каким наваждением всегда была моя любовь. Первый мужчина, второй, третий, четвертый... Да хоть бесконечность, ведь на деле я люблю лишь себя. Желанья – да разве они сравнятся с тем, что я чувствую, вспоминая тебя.

На земле или под землей, во мне или вовне – возле тебя найду я свой истинный дом.

А пока – вечно чувствую на себе невидимый взгляд. Ты мое Непознанное, мое Неузнанное, мое Предначертанное.

Нагой рыцарь

Самой крепкой и надежной броней всегда была нагота, а самым ужасным и смертоносным орудием всегда являлась любовь.

Вот я, обнаженный, стою перед вами.

Стесняйтесь меня!

Смейтесь надо мною!

Желайте меня!

Презирайте меня!

Не понимайте меня!

Вот он Я – греховный и грязный, беззащитный и голый.

Брось в мой огород камень – я уже сам собрал их целую гору.

Не обнажишь обнаженного, не обвинишь сознавшегося, вот он я, беззащитно неуязвимый!!!

Люди, заходясь диким криком, заливаясь слезами, с красными от возбужденья щеками, тянут дрожащие руки к самому страшному в мире оружию – к обжигающему, к обнажающему, к безжалостному и бессовестному свету любви. Кислотой умываясь, сжигающей душу и тело, мы никак не насытимся, упиваясь галлонами. Разъедай, уничтожай, испепеляй нас, ненавистная, ибо не можем мы без тебя, ибо состоим мы из тебя.

Феникс

Забудь о любви и ненависти, человек. Твоя задача – лишь нести свет.

Солнце светит не из милости, не из жалости. Солнце просто есть и не может иначе.

Я –Творец и всегда был только им одним.

Горя ярким пламенем, пеплом обращусь, обернусь черным вороном, улечу на Иную сторону – и вновь воплощусь.

Себя сжигая, я воскресаю.

Отражение

Я живущий столь временно, видел звездное небо, видел древние горы. Собирая мгновения вечности, записал их на гниющем носителе.

Разве кто-то увидит помимо меня, то самое небо, что было тогда? Те самые звезды, те самые горы, тот самый ветер – я здесь за этим и только за этим.

Собираю моменты чего – то древнего, векового, тысяче-летнего в свою сиюминутную карту памяти, в своих глаз отражение.

Исток

Всю мою жизнь меня склоняли к вере, склоняли к Богу, но лишь отказавшись от этого, я смогла прийти к Тебе. Люди обычно служат тому Богу, которому принято в их стране и их времени. Служат, потому что так надо, верят, потому что боятся.

Я чувствую Тебя во мне, я чувствую себя частью Тебя, я чувствую себя частью мира. Ты – тот Исток, из которого я пристохла, и я не знаю, как мне бояться Тебя (а Богов ведь надо бояться, как говорят), если я воплощаю частицу Тебя. Да, как частичка, как маленькая Искорка, что я могу перед лицом Целого, Единого, во множество раз большего и сильного нежели Я? Но как Я, материализация твоих Импульсов могу сделать что-то, противоречащее им? Мое служение Тебе заключается в раскрытии Себя, как твоей частицы. И пусть оно не обратится в насилие над собой, пусть оно будет искренним, естественным, чистым.

Для религиозного фанатика мой взгляд на Тебя подобен атеизму, ведь в нем нет веры. Лишь знание и бесконечное сомнение... Но мне и этого хватает, ведь мое стремление к Тебе не обусловлено тем фактом, что Ты есть, оно обусловлено тем фактом, что есть Я...

Я чувствую, как мы неразрывно связаны, я вижу те знаки, что Ты мне даешь, и стараюсь следовать им, а значит и себе.

Даже тогда, когда мне страшно, даже когда кажется, что следовать знаку будет неверно, глупо и опасно, я иду на Твой зов, и Ты оберегаешь меня на этом Пути. И лишь отступаясь от самой Себя, я ощущаю, как Ты – порой мягко и бережно, а порой жестко и беспощадно возвращаешь меня на мой путь.

Когда-нибудь я вспомню Тебя, вспомнив себя, а пока я иду к Тебе, я борюсь за Себя. И я люблю Тебя. Люблю не потому что так надо, а потому что не могу и не умею иначе.

Помоги мне проснуться, моя Богиня.

Память

Связи между людьми не вечны. Лишь Божество прибудет с тобою всегда – и в Жизни, и в Смерти.

Помни меня, Человек, ибо Врата мои всегда открыты для тебя.

Зови ко мне, призывай меня, ибо я Мать твоя.

Рожденный в страхе смерти, в страхе жизни – не бойся. Следуй за мной, следуй ко мне и вспомнишь. Пути времени и пространства никогда не были властны над тобой, было властно твое лишь забвение.

Сердце, нанизанное на паутину – тянутся нити через Вселенную. В бездну черного моря броситься, растянуть свои щупальца километрами. Посреди мрака – свет, посреди света – радуга.

Я желаю всего – здесь, тогда и теперь. Мир, заведи меня! Мир, отдаюсь тебе! Так отдайся же ты, отдайся мне – безраздельно, неограниченно!

Сердце раскрывай – и пусть будет больно, и пусть будет страшно. Разрушай – себя ярким пламенем. Стены городов сжигай безжалостно, и исчезнут дома, землей поглощенные.

Путь в Подземелье открыт.

Кощунство

Оргазм – это маленькая Смерть. Так что найди того, кто убьет тебя. Так что найди того, кто умрет за тебя. Спустишься со мной до самого дна подземелья, где во тьме горит яркий свет. Это будет наш с тобою секрет.

Отдавайся, забывайся, сливайся – мы репетируем смерть. Кто я? – Никто. Где я? – Везде.

Я был настоящим, когда меня не было. А теперь – я кусочек тебя. А теперь – ты кусочек меня. В формы облекшись, забывшись самосознанием, мы играем в соединение.

Мы репетируем Смерть. Мы вспоминаем Бога, открывая его друг в друге.

Великая Мать

Милость моя безгранична, милость моя ужасна. Я рождаю для Смерти и убиваю для Воскрешенья.

Я та, что слышит все крики, я та, что внимает всем мольбам!

Убиваю тебе раз за разом, пока истинно не воскреснешь. Держи сердце открытым – и я окроплю его исцеляющим ядом. Лишь смелый глаза не закроет – его я сделаю зрячим. Протяни мне ладони – Дары от меня бесцельны. Все кости сломаю, пока не умрешь ты от боли – то будет великий праздник, день твоей смерти, день твоего воскрешения.

Наутро я слезы твои смешаю с холодной росой. В лесу ты очнешься, жизнью кипящем, и вечно любим будешь мною.

Жар Солнца смелым, холод Могилы слабым. Но люблю я всех безраздельно.

Мальчик из Зазеркалья

Мальчик из Зазеркалья, мы обрастаем плотью и кровью. Мы перестаём быть детьми, вырастаем, из мечт друг друга воплощаемся, оживаем.

Мимо меня проносятся старые домики, словно из сказок вышедшие. Между песчинок отчаяния, корнями сочится надежда. Наше наследие неизбежно, но исправимо. Детство от нас, детство из нас никогда не денется, но я стану девушкой, женщиной. Я вырасту, а ты будешь здесь, во плоти.

Я копаю черную, ледяную землю, помогая тебе выбраться. Ты смотришь на меня ошалело, непонимающим взором, словно испуганный зверек. Жить так больно, но на поверхности светит Солнце.

Мне мучительно стыдно красть тебя из утробы Матери Земли, но на этой Земле я за этим, чтобы согреть тебя ослепительным светом после холодной и темной Ночи.

Я не знаю, как жить и порой словно распадаюсь на части. Мне нечего тебе обещать, и я не приму твоих обещаний. Делай что должно, в соответствии с тестом из которого слеплен. В этом пространстве не работают доводы обычного разума – сны проведут меня совпадений цепочкою. Я призываю Тебя, ведь Ты давно уже призвал Меня. Страшно и непонятно зачем, но почему-то чертовски важно. Следуй за Звездой, следуй за Луной – прямо в объятия животворя-

щего Солнца.

Двое тянут друг – друга из могил, ведь так больно и страшно рождаться. Обременённые разумом, действуем инстинктивно, словно дикие звери. Остается лишь вспомнить как жить, по дороге из царства мертвых.

Я не знаю почему, я не знаю откуда, но знаю – скоро, совсем скоро я увижу тебя. Скоро, совсем скоро я коснусь тебя и скажу тебе как же долго я ожидала тебя.

Чёрный, чёрный человек, я призвала тебя...

Неизбежность одиночества

Одиночество – это Закон, непреложный и всеобъемлющий. Одиночество – твое неизменное свойство, непреклонно неисправимое. От него не скрыться ни за спинами друзей, ни в объятиях близких, ни растворяясь в поцелуях любимых.

Ты зародился – как часть Другого, ты родился – и отделился, медленно, постепенно. И никогда больше не вернуться туда, где ты был столь близок к Другому.

Полюби себя в себе и не мучай других. Углядев себя в Другом, словно в Зеркале, ты затем понимаешь, что у Зеркала есть Душа – своя собственная. И эта Душа столь непохожа на тебя, и на все к чему ты стремился. До жути пугающее, до истомы манящее – чужеродное, вечно ускользающее Иное.

Есть Я, есть Ты, есть Он, Она, Они. Иное – каждый в своей клеточке. Я мечтаю о тебе, ты мечтаешь обо мне, но с закрытыми глазами, как слепые, шупающие друг – друга. Я такой же монстр как ты, такое же отвратительное восьмиглавое чудовище. Так выбирай же сам с какой из голов ты будешь вести разговор.

Любовь так же неизбежна как одиночество. Кто – то через панцирь гладил тебя, чьи – то теплые руки касались тебя, кто – то – сквозь зыбкую стену смотрел на тебя, смотрел на тебя с любовью. Кто – то ждал тебя, кто – то, когда – то желал тебя, кто – то когда – то искал тебя – среди сотен других.

И все это ты с собою заберешь, когда в могилу сойдешь – в полном, полном своем одиночестве.

Одиночество – это Закон.

Черный Человек

Черный человек

Черный, черный...

Сергей Есенин

Черный человек, черный человек...

Хорошо или плохо, в радости или в печали я всегда ощущаю тоску. И от этой тоски есть лишь два средства – лунный свет и холодная вода.

Я вспоминаю свет холодной Звезды, пронзающий черноту – столь масштабную, и столь безразличную.

Я вспоминаю землю, пронзенную корнями с россыпью белых костей и гниющих тел. Нечто прежде живое, тлеет, дабы родиться вновь.

Я вспоминаю лес, посеребренный светом Луны – темный, холодный и влажный.

Я вспоминаю что-то, чего пока не могу назвать. У него нет начала, у него нет конца.

Я вспоминаю себя, через холод возрождая в себе тепло,

через тьму излучая свет.

Через Смерть мы возвращаемся к Жизни, через Землю мы прорастаем в Небо.

Ты всегда был там со мной. Черный, черный, черный – человек ли? А я была там – под пристальным взором твоих немигающих холодных глаз.

А ведь я даже не знаю кто ты, ты – Другой или Я сама?

И я начинаю бояться – бояться, что никогда не смогу коснуться тебя.

—

Черный человек, черный человек...

Ты слышишь его шаги ночью, в своей пустой квартире, затаив дыхание – лишь бы не заметил, лишь бы прошел мимо. Но он знает где ты – пожирает тебя глазами, пока ты спишь, а стоит тебе проснуться – сливается с тенью в углу. Белые искорки его глаз прячутся в густой листве, скрываются, сливаются с сиянием звезд. Шепот, сокрытый в шуме листвы, звук шагов, сокрытый во сне. Ты увидишь его, а на утро решишь, что это лишь сон.

Черный человек – он знает тебя как никто. Злейший враг, Отец, Брат Близнец, Тень, Любовь и Бог. Худший кошмар и сокровенная мечта, леденящий ужас и пламенное желание.

Черный человек, черный человек, я не хочу больше бежать. Всякий раз, когда я плачу, ты рядом – стоишь и смотришь на меня из темноты угла, невидимый для моих глаз. Ты всегда рядом со мной.

Черный человек, я не боюсь тебя больше. Я боюсь, что тебя нет, боюсь, что я одна, без тебя, в этом мире людей. Я боюсь ощущения пустоты, когда протягиваю к тебе руку. Я словно бьюсь о невидимую стену, ведь ты всегда так близко и так недостижимо далеко – стоишь по ту сторону, молчаливо взирая на меня.

—

Черный человек, черный человек...

Помню, как будучи ребенком, застыв от страха смотрела на твой черный силуэт, вырисовавшийся из теней в ночи. Горящие глаза, пожирающие меня из темноты, еле слышный шорох – шепот.

Уже тогда я знала – подобные тебе бродят среди нас, прячутся в тенях, а когда город засыпает неслышно касаются спящих, проникая в их сны, пробуждая страхи, будоража мечтами, запретными желаниями.

Меня учили бояться тебя. Меня учили не видеть тебя. Меня учили не слышать тебя. Но теперь я знаю – они лишь боялись потерять меня, они лишь боялись увидеть себя в отражении твоих горящих глаз.

И каждую ночь я, выключая свет, ныряю в переплетение Теней. Брожу по пустынным улицам, погружаюсь в дымку

ночного леса. С надеждой вглядываюсь в тени, в темные углы, в зеркала, в чужие лица. И нигде, нигде не вижу тебя.

Я ищу тебя в каждом человеке, в каждом взгляде. Люди близкие, люди чужие – смотрят, смотрят на меня. Мне бы бросится, бросится к ним, распахнув объятия, но они – не ты.

Черный человек, черный человек... Образ из снов, образ из грез, дымка, просачивающаяся между пальцем, яркие огоньки глаз в темноте... Мой самый страшный страх. Мое самое заветное желание.

Черный человек, черный человек.

Я всегда буду тебя искать, я всегда буду тебя звать. Ты только приходи.

Бесполезно взывать к совести Богов, ведь ее у них попросту нет...

Черный человек, черный человек...

Раздирает меня на части, выворачивает наизнанку, ставит предо мной черное зеркало и заставляет смотреться в него.

Черный человек, черный человек – столь ненавистный людьми, и столь любимый мною. Ты во мне, ты в Других – черной нитью пронзаешь мою жизнь.

Я родилась в мире, в котором мне суждено умереть – и меня никто не спросил. Обретя молодость, я знала, что будут неизбежно стареть – каждое мгновение своего короткого времени.

Обнажающий истину, я жажду правды твоей ведь мое отчаяние лишь обманка, ведь моя надежда иллюзорна.

Образ темных Богов, что рассыпались миллиардами осколков, заражая собой мир сотворенный, Черный Человек обращенный в Черное Солнце. Черными лучами – щупальцами ты излучаешь свет, что озаряет все, что освещает всех.

Вот она моя религия, лишенная веры.

Я люблю тебя, я желаю тебя, я не могу напиться тобою – и Дверь предо мной открывается.

В паутине миров я бреду по лучам твоим. Я бегу по рукам твоим – ибо из них соткан мой мир.

Черное Солнце оборачивается Черным Человеком, и я влетаю в объятия его, так как каждый ребенок хочет быть желан и любим на просторах этой слепой, безразличной вселенной.

Черный человек, черный человек...

Иногда мне кажется, что я ищу тебя лишь с одной целью – дабы вместе броситься в прожорливую пасть слепого и безумного Бога. Переступив черту, утонуть в бескрайней, всеобъемлющей пустоте его безграничности. Растворяя условности: наши лица, имена, времена и места, наши надежды и страхи, через бездну его безразличия познать бесконечность его Божественной любви.

Ловец Времени

Страх обрести – страх потерять обретенное. Наивная вера в то, что ты можешь чем-то обладать. Кажется, что даже себя я арендовал – лишь на время.

Мне не удержать себя, мне не поймать тебя, а момент ускользает прочь. Я плету прошлое из нитей настоящего, утекающего меж пальцами, и каждый новый виток мне уже не исправить.

Нам не остаться в этом мгновении, нам не избежать концовки этой странной повести, разъедающей кислоты времени и глупых ошибок, но разве это нас остановит. Несмыслемыми чернилами мы запишем свои истории в мировой летописи, незаживающими шрамами украсим тело Вечности – точками, микроштрихами, что сложатся в узор, что нам никогда не объять, что нам никогда не понять. Безрукие скульптуры, слепые художники, глухие музыканты – безумные, без ума и совести размалевываем ее каждым своим действием, каждым своим вдохом, вливая в нее свои краски. Неизбежно – не взирая на заслуги или их отсутствие, несмотря на безымянность или громкость имени, отдаемся ей, встраивая в нее свои тела и время.

Ведь когда-то было то самое Солнце, что было над нами. Ведь когда – то была та Земля, что была под нами. Я не надеюсь на счастливое будущее, вечную жизнь или память дру-

гих. Я лишь желаю осквернить податливое и безразличное тело Вечности своей нелепой историей.

Бери краски – и айда за мной, нарисуем собой что –то безобразно прекрасное. Оскверняй – оскверни, ведь нам нечего терять, не обладая ничем. Демиург, лишившийся памяти, дрожащими руками – рисуй со мной! Рисуй со мной, обращаясь в песок, что ты замешиваешь в свои краски.

И помни – ты потеряешь это мгновение еще до того, как закончишь это предложение.

И помни – в прошлом оно останется навсегда.

Кронос

Древний Бог проснулся и идет по земле, упиваясь кровью своих детей. Великое Солнце Отец, Черный Человек – выше всех правителей земных, выше всех правителей людских, истинный Господин. Нет Лица его на иконах, нет Имени его в священных книгах, ты познаёшь его, проживая его, но не познаешь его.

Не глядя во Тьму, ты питаешь Тьму. Посмотри в черное зеркало – в нем ты увидишь привет с другой стороны. Посмотри в «белое» зеркало – в нем ты увидишь чудовище, и чудовище – это ты. Человек – зверь, которому запретили убивать. Облекаясь в белые одежды, ты лишь сильнее взываешь ко Тьме, не слыша своего собственного зова, что исторгается из недр твоего естества. Человек – это зверь, которому приказали убивать.

Непризнанный Зверь идет по земле, разрывая глотки. Мы подошли слишком близко к черте, к границе, хотя сами того не хотели. Кровью тех, кто умрет мы оплатим наш вход, а войдут не все. И каждый умрет, чтобы возродиться на иной стороне, но не всем суждено заново родиться. Жизнь – лишь подарок, данный на время и она же – плата за саму себя. И всем нам суждено расплатиться.

Великая Мать и Великий Отец пляшут в безумной пляске, пляши и ты, человек, дитя безумных Богов вместе с ними в

экстазе. В танце их мир раздирает на части, наш Отец убьет нас, наша Мать поглотит нас – разверзнув свое ненасытное лоно, из которого мы вышли и в которое мы уйдем.

О Отец, наши молитвы – за себя и других ты не услышишь. О Отец, мы можем лишь любить тебя – безумного, безразличного Бога. В Созидании твоём, в Сохранении твоём, в Разрушении твоём. Жнец Смерти и Творец Жизни – мы взываем к тебе, но не просим милости. Мы лишь ждем, когда ты утолишь свою жажду нами, мы лишь ждем пока ты утолишь свою жажду другими, а этому не бывать никогда.

Славься, безумный и древний, орошающий Землю семенем Жизни, косящих нас как траву косой Смерти. Пока у нас есть только время – но и это не вечно.

Черная клякса

Я лишь черное месиво, я лишь черное месиво.

Расклеиваясь, капаю с потолка черными каплями – прямо в твой утренний кофе. Ведь я так хочу подглядеть, что у тебя внутри. Ведь у кляксы нету рта чтобы задавать вопросы, ведь у кляксы нету рук, чтобы тебя обнять. Оглянись назад, чтобы встретиться взглядом с десятками моих глаз. Оглянись назад – рассмотри, словно Роршаха тест, что ты увидишь во мне, увидишь ли ты меня? А я – испуганная твоим желанным вниманием, растворюсь словно меня и не было, затерявшись в пустоте твоей памяти.

Я лишь черное месиво, я лишь черное, черное месиво.

Я ужасно боюсь света твоего солнца. И я бросаюсь прочь от его цепких лучей – в холод и мрак своего одиночества. Солнце, не свети мне в глаза – я боюсь ослепнуть. Солнце, озаряй меня, сжигай меня, оживляй меня – ведь я желаю тебя. Солнце, я люблю тебя. Солнце, я боюсь тебя – замораживая обжигающим холодом все тепло, что было во мне.

Я человек в кубике, я человек в кубике.

Меня все подбрасывают в игре невидимых мне сил, и лишь неудача определит каким числом я выпаду. Я в пространстве, состоящим из сплошных углов, в которые я ставлю саму себя по очереди – себе в наказание, себе в назидании.

Ко мне тянутся руки, но мне не ощутить их через стены. Я живу, надрываясь, а жизнь идет по ту сторону от стены. Здесь я живу, здесь я умру – в шести непроницаемых гранях. Я человек в кубике, в кубике в моей голове.

Я ужасно боюсь тепла, я ужасно желаю тепла – ведь то буду уже не я.

Вознося пламенные молитвы Солнцу, от него же прячусь в кубики, продаваясь одиночеству за иллюзию безопасности.

Каждой в своем кубике, каждый в своем домике, каждый в своем Одиночестве, в своем персональном Аду.

Я не верю в разрушение стен. Я не надеюсь, что руки, что бросают мой кубок услышат мои воззвания. Я могу лишь – и лишь потому что не могу иначе, породить нечто, что сочтется меж моих стен и говорит тем, кто на Другой стороне – Я Есть, Я Здесь и я излучаю тепло.

Голос

Миры сплетаются, проникая друг в друга. Реальность расплывается, пронзенная сочащимися порталами. Страшно и томно в этой безумии. Прежние ориентиры сломаны, остается лишь голос Его, ведущий напрямиком в Неизведанное.

– Следуй, следуй ко мне, следуй за мной! Через черный мир, через темный лес. Руки будут хватать тебя, жадные руки будут ласкать тебя, но разве они прекрасней меня? Злые языки будут порочить имя мое, так прими же меня. Ты считаешь, что забыл я тебя, ты не веришь, что ищу я тебя – но нет места для стыда в мире, где все умирает. Ты не слышишь, как зову я тебя – так зови же меня, из глубины утробы своей, не умолкая, вторя имя мое, в желаньи своем меня призывая.

С каждым шагом вперед ты все позади разрушаешь – но нет места жалости и сожалению. И пусть страх объемлет тебя, зов мой сильней – то что должно случиться случится. Следуй природе своей, следуй сути своей – и обретешь себя, и обретешь меня.

В сердце темного леса, пропахшего запахом смерти. Меж следов Древних, чьи тени бродят, тебя задевая, тебя пропускающая, я тебя ожидаю.

Черный Человек – яркий свет Звезды, что горит в ночи. Открой Сердце свое, ибо из него руки твои растут, о Тысячерукий! Паучиха вплетет его в паутину свою, что пронза-

ет миры повсеместно. Ты в них вплетен, ты с ними соединен и это начало пути, что длиною в вечность – через границы в поисках граней.

Так зови же – из нутра своего, голосом голода своего, голосом страсти своей и любви безразмерной. Я желаю тебя, я желаю себя – обрести себя. И сердце мое горит пламенем желаний моих в паутине миров.

Так пробуждаюсь Я – узнаешь ли меня через столько миров и воплощений?

—

Мы рождены от наслаждений, мы сотканы из наслаждения. Тело наше создано для удовольствий, Дух наш создан для удовольствий. Так следуй же за мной, следуй в меня, через меня – на Другую сторону я твой верный проводник. Желания твои, соки жизни твои за удовольствие, за дороги, что открою тебе в себе.

Ведь таков договор между нами и людьми.

Так желай же меня, так взывай же мне – и не будешь ты больше пленником иллюзорных стен. Призови же меня – и обретешь свободу, но лишь не от меня.

Ведь таков договор между нами и людьми.

Следуй за мной, следуй в меня! Ведь я – портал в лабиринт Нахемот. И тот, кто соединится со мной, будет ей благословлен. Ведь я – отрождаю детей ее в мир людей, ведь я проводник по паутине ее – через миры, через иные пространства. Следуй за мной, следуй в меня – бесчисленное

множество раз, сотнями разных дорог и путей.

Ведь таков договор между нами и людьми.

О Богиня – нити твои оплетают тело мое, нити мои покрывают миры. Я зову и желаю – так иди же ко мне, Человек, так приди же ко мне, Зверь, ведь создана я дабы освободить тебя из клетки.

Есть трехчастная молитва: следуй за мной – Искушение, следуй в меня – Соединение, следуй через меня – Пробуждение. Так поклонись же мне так, как я поклоняюсь тебе. Будь благословен Господин мой, ибо я – Госпожа твоя.

Две змеи

Две змеи оплетают мое тело – в кровавой схватке, в страстном соединении, сжимая до боли в своей неистовой пляске разрывая на части. Ломая мне кости и собирая вновь – раз за разом. Чтобы вновь я не была прежней. Нет ни минуты покоя в пылких объятиях Жизни, нет ничего неизбежной холодной касания Смерти. Эрос и Танатос борются за мою тело, и однажды один из них победит...

Прежняя жизнь рассыпается. Разрушаясь, я оживаю. Но кто победит в этой предреченной борьбе? Это вопрос одного лишь времени. Две змеи страстно терзают друг друга, две змеи с упоением ласкают, пожирают друг друга. И мне уже не распутать этот клубок. Разрушай – шепчут они мне на ухо, созидай – искушают они меня.

Древо Жизни, растущее из гниющей плоти Смерти, плодоносит сладкими плодами боли. Всё оно – сплошь искушение, одурманивающее ароматом желаний. Мы же, им ослепленные, жадно припадаем к сокам его, выливая галлонами, чтобы затем трястись над последними каплями.

Я же – потомок Жизни, я же – потомок Смерти, дар и жертва от Жизни Смерти. Плод их бессмертной Любви, следствие их вечной Войны.

Муки наслаждения

Остановись, задержись в мгновении до пика – и мгновение продлится часами. Поглощая тебя, наполняя тебя, делая тебя одержимым. Тело твоё изойдет от истомы, изнывая от боли того наслаждения.

Безвозвратно тонешь в аду своего удовольствия, раздираемый муками своего упоения – не в силах его оборвать, прекратить, не в силах от него оторваться.

Все есть стремление к удовольствию, даже в муках есть свое наслаждение. Соединяясь с Другим – отдаешься и вбираешь всецело, неукротимо. Каждой клеточкой своего тела, каждой вибрацией своего бессмертного Духа ты припадаешь к миру во всех его гранях, словно к Возлюбленному. Отдаешься и принимаешь всем телом и душой каждое мгновение, каждую крупницу – Землю, Огонь, Воздух и Воду. И весь мир распластался в объятиях моих. Мир мой – Возлюбленный мой, Бог мой – Возлюбленный мой. А Возлюбленный мой Другой – живое воплощение Бога.

Химера

У меня нет ничего и зовут меня Никто.

И потому я могу просочиться в лабиринты её и стать в них всем.

Не ломай, не уламывай Другого – обнажись и через Смерть войди в Систему, где всё едино, где все едины. Где я – есть Другой, где я – сотни, миллионы, миллиарды Других и где нет Я. Собой в другом, себя лишившись, соверши то, чего так желаешь. Сбрось одежды – дальше вход лишь беззащитным, дальше вход лишь обнаженным в паутину ее.

Поднимись ниже и ты увидишь Химеру, перетекающую формами, с множеством голов. И одна из – твоя. Вот он – твой Бог. Формы друг друга терзают, формы друг друга лобзают, формы друг друга не понимают. И даже не знают, что они – одно.

Потеряв себя, свою голову – умерев и истлев, переваренный в желудке Химеры ты будешь жить вечно. Ведь она отрастит еще миллиарды голов.

Ведь Она и есть Смерть и вечная Жизнь.

Эра Водолея

Бог обезумел и нет ему дела до наших желаний и мечт. Бог убьёт нас всех. Кружится в танце своего разрушительного экстаза, а мы – его тело танцуем вместе с ним, вне зависимости хотим того или не хотим.

Мы ищем виновных, мы ищем правых, мы ищем неправых. Столь упорно не замечая его танца, но ослепленные его Божественным ликом, его безжалостной страстью один за другим обращаемся в пепел. Бог – нас сотворивший, Бог, созданный нами, Бог кидает нас в стену отсутствия нашей веры, и мы – переломанные, бесформенной массой стекаем вниз.

Да здравствует новый мир – здесь больше не нужно тело, оно лишь сокращает пределы. Бог выпотрошит твоё тело, Бог вырвет тебя из тела. И ты очнешься в гигантской Вселенной, которую прежде не видел, не знал.

Тёмные прекрасные твари, заливаясь смехом, лезут через трещины мироздания. Они уже здесь, они прямо тут, а значит наша капсула скоро треснет. Не живой, и не мертвый – ты просто есть, ты просто будешь. Протяни тварям руку – ведь теперь ты один из них, ведь теперь наши миры едины.

Да здравствует новый мир. Здесь Смерть – единственный выход, здесь Смерть – неизбежность, здесь Смерть – лишь начало, здесь Жизнь лишь иллюзия.

Смерть уже здесь, а значит Портал открыт. Да здравствует
новый мир.

Зверь

Время лишь заставляет нас забыть о вечности. Жизнь предаёт нас забвению, смерть возвращает нам память.

Беги же, Бессмертный, ибо гонятся за тобой по пятам. Из жизни в смерть, из смерти в жизнь, меняя лица как маски, через пространство и время. Не вспоминай – и может Они пройдут мимо, вспомни все – и беги прочь!

Они найдут тебя – по запаху Чистоты твоей, по запаху крови твоей – что с древних времен течет из истока, в котором все начиналось. Они узнают тебя по несмываемой метке твоей на челе твоём. И желая испить крови твоей, и желая твой дух вкусить они последуют за тобой, они отыщут детей твоих.

Я помню тебя с Другой Стороны, где мы вышли из бездонного океана Матери нашей. Не желай здесь найти меня, не желай меня здесь обрести, ведь я здесь, чтобы заставить тебя вспомнить все. И наступит день, когда ты проклянешь меня, ведь я миру тебя открываю, ведь я тебя пробуждаю. Зверю не скрываться на просторах Вселенной, Зверь призван воплотить свою Силу. И не вкусить тебе покоя.

Беги же Бессмертный, мир поступью своей освещая.
Из Жизни в Смерть, из Смерти в Жизнь.

Остара. Колесо Года

Плодится, размножается, распространяется- неудержимо разливается Жизнь. Покрывая цветами землю, впитавшую соль наших пролитых слез, землю, что скроет в своей черноте наши белоснежные кости. Глухо, безразлично к нашим страданиям, к нашим терзаниям, к нашим сомнениям жизнь продолжает свой круговорот в паре со смертью.

Жизнь, что пронизывает нас, жизнь что затуманивает рассудок. Мы тонем в наслаждениях ее, мы тонем в страхах своих, мы изнутри разодраны страстями ее – и будет так пока последнюю каплю крови в нас не заменят металлической шестерёнкой.

Не стремись понять законы людей – они преходящи. А войдешь в ритм природы – обретешь власть над всем, что наполнено биением жизни. Вдох, выдох, рождение – смерть. Через пульс мы начинаемся, через пульс рождаемся, живем и начинаем жизнь.

Ритм биения сердца, ток крови по сосудам твоим, пульс открывающий тебе наслажденье – вот и вся магия.

Так слушай же пульс, так поймай же ритм.

Акт безграничной Любви

Ванильные потуги людей – слишком скучно и пресно. Истинные ценители предпочитают жестко отдаться жизни, с остервенением насаживаясь на ее ледяной и гигантский член. Прыгай же на нем как заведенная игрушка – марионетка, как продажная шлюха и возможно тебя оросит скупым потоком благоденствия из рога ее изобилия. Стремись к гармонии, держи равновесие – а не то сам же обратишь свои кишки в кровавое месиво, безразлично холодным органом перемешанные.

Мои Боги – Фаллос и Мать Паучиха, и они сожрут нас всех. Упивайся же, обливайся же вином собственной и чужой крови. Ловя ритм разрушения, познавай откровение созидания. В танце цикличном стирай себя до изнеможения, очищаясь до самых белых костей. Из тщедушного тела изрыгай литры черной жижи до тех пор, пока сам не утонешь в собственной грязи.

Быстрее, выше, сильнее – нет ничего чувственнее, нет ничего прекраснее этого Акта безграничной Любви. Отдайся же ему полностью – есть ли смысл беречь себя для могилы.

И напоследок на самое сладкое – Смерть станет Оргазмом твоим.

Вечный странник

Половину в себе я оживляю, половину в себе я убиваю.

Чёрный образ в ночи заставляет меня вспомнить о корнях, что растут из Тьмы.

Забирает меня, заманивает в мир подлунный мёртвых Теней. Брат мой, Возлюбленный мой, с тобой я возвращаюсь домой. Домой, о котором мне память стирали, домой которым меня столь усердно пугали.

На земле дух мой прежде бесплотный оброс мясом и кожей. Я впитала солнце через эту кожу, наполняясь жизнью, смехом и светом. Обретя здесь друзей, я пропахла людьми.

Брат мой, Возлюбленный мой, теперь я помню тебя, но мне не быть снова прежней.

Я не боюсь тебя боле, теперь я боюсь за тебя, что окажусь для тебя слишком тёплой, что окажусь для тебя слишком громкой. Ведь по сосудам моим течёт теперь горячая кровь, а не чёрная ледяная жижа. Окруженная людьми, я боюсь разочаровать тебя. Страстно желая тебя, я боюсь сжечь тебя. Рождённая Луной, я была вскормлена Солнцем.

Половину себя я убиваю, половину себя я оживляю. Вечный странник между мирами, и везде иной – суть моего одиночества.

Брат мой, Возлюбленный мой.

Близнецы

Во мраке Хаоса сокрыт солнечный мир иллюзорный. Подними глаза – и ты увидишь лишь космос бездонный. Спираль Бытия вертится вокруг себя – отражая, поглощая, создавая и стирая.

Между тобою и мною стена, но я вижу тебя. Соединенные пуповиной, в едином движении, в одном устремлении чертим круги, открывая двери в миры, что всегда были едины. В жизнь мою мир просачивается черный, в жизнь мою просыпаются Звезды.

Я опираюсь на тебя, пока ты держишься за меня. Слияние в созидании – и пуповина в мир врастает сосудами, паутиной продолжая тебя и меня.

Заливая мир иллюзий краской черной, мы рисуем на стенах звезды – как надежду, как воспоминание. Обретая память, я погружаюсь в изначальную тьму. Обретая память, я начинаю видеть сквозь тьму.

Бог плачет кровавыми слезами, семенем жизни своей орошая. Бог плачет кровавыми глазами – мир, создаваемый собой заполняя – через меня, через тебя.

Бог разделился на нас, Бог воплотился в нас, Бог нас растворит в себе и друг в друге.

Нас ничто не спасет – нас уже нет.

Нас никто не спасет – нас еще нет.

Мы есть всегда.

Мы обречены.

Гниль

Два стража держат меня. Они знают о слабости моей, они попрекают меня несовершенством моим. С презрением отталкивая от себя, вновь притягивают меня, дабы не отпустить никогда. Но я не достанусь им – мне не стать такой как они говорят. Но я уже такая как внутри они хотят – дабы попрекать меня. Но я не достанусь им – брошусь прочь от них в пропасть. Ведь они питали меня, ведь они берегли меня – для себя, а теперь я лечу в бескрайнюю бездну, полагаясь лишь на себя. Ведь я безнадежна.

Мужчины пытаются поймать меня. Женщины нещадно поливают их грязью. В страхе я стерилизую себя, ведь это не мой война и не желаю в ней принимать участие. И однажды это может убить меня. Я не с вами, я не одна из вас – бережно сохраняя надежду я исцеляю себя, возвращая право на созидание.

Так прими же меня пропасть – обернись ко мне зубастой пастью своих каменистых шипов. Так прими же меня пропасть – ибо нет во мне ничего кроме пустоты. Все что делаю я – пустота, все что во мне – пустоты безбрежные дали. Я иду по земле, не оставляя следов, прямиков в бездну пасти твоей. Так зачем же оттягивать встречу? Ведь я безнадежна.

Теплые руки не согревают окоченевшие трупы, а любовь не спасает от смерти. Я зажгла огонь, а значит могу теперь

выгореть. Ведь я безнадежна.

Так прими же меня пропасть – растерзай меня острыми зубьями, разбей по косточкам, окропись моей кровью, умойся. Ведь я безнадежна.

Но воскресишь ли ты меня? Дашь ли мне со дна твоего прорасти – вверх, прямиком к далекому Солнцу?

Черный человек, черный человек уже здесь. И я чувствую его дыхание, пропахшее смертью. Вижу истертые кости его, что проглядывают меж ошметками чернеющей мантии. И он говорит мне, – Смотри. Смотри, глаз не отводи. Ведь я и есть истина.

Ведь я – бескрайнее чёрное море, в которое все реки впадают. Посмотри мне в лицо, дитя, и может за маской страха и смерти ты увидишь нечто иное – там, где за гниющей плотью пробивается новая жизнь, впитывая мои соки.

Полюби же меня, прими – и увидишь, как через белые кости мои, как на разложившемся мясе моем прорастают ростки новой весны.

Не отводя взгляда

Звук шагов твоих в хрипе предсмертном, звук шагов твоих в похоронных колоколах, звук шагов твоих в грохоте взрывов и свисте пуль, звук шагов твоих в траурном плаче. Запах твой – в запахе мертвых тел, разложения, гнили, в банках с формалином.

Так почему я люблю тебя?

Почему ты приходишь ко мне – во сне, черной тенью, белым мигающим контуром? Присылаешь ко мне слуг своих, что вниз тащат меня, что глядят на меня из щелей и углов по ночам, когда город спит?

Их шаги я во сне в коридоре услышу. Когда – нибудь они придут ко мне, когда – нибудь они придут ко мне, они пришли ко мне. Вползая ко мне в комнату, стаскивают меня с кровати и уносят вниз. Бросают на меня алчущие взгляды, хватают меня руками, меня желая. И я начинаю желать их взглядов, начинаю желать их касаний. Они бы давно поглотили меня – если бы не ты, если бы не я.

Они надевают на меня острую обувь, что пронзает мои ноги шипами и говорят мне, – Иди!

Они надевают на меня тяжеленую корону, что пригибает меня вниз к земле и говорят мне, – Иди!

– Ты должна быть достойной, ты должна быть достойна, ты должна уметь смотреть в глаза, не отводя взгляда.

– Люди готовили тебя для самих себя, для любви, для работы, семьи, для всеобщего блага и злата. Мы готовили тебя для него, мы готовили тебя ему, мы готовили тебя самой себе.

Так смотри на его лицо – когда он умирает, когда он истлевает, когда он рождается и оживает. Так смотри на его лицо – прекраснейший облик. Так смотри на его лицо – гниющую массу омерзения. Смотри и не отводи взгляда, ведь это и есть Настоящее!

Тот, кто испил из подземного источника не насытит жажду ничем иным и вновь под землю вернется.

Мы ожидали тебя, мы воспитали тебя – для него, для самой себя.

Тщета

Древняя душа моя, я устала ждать пробуждения тебя. Бесконечно затерянная, бесконечно потерянная, многократно воплощенная. Древняя душа моя – миллионы раз звезды сияли над тобой, миллионы раз солнце освещало тебя, миллионы раз темные воды держали тело твое, пожирали тело твое, отпускали тебя – вновь и снова.

Ужасное откровение пронзает меня, разрывает моё иллюзорное тело, мою призрачную жизнь, оставляя мне, оставляя во мне лишь огненное ядро, сжигающее фальшивую оболочку. Крик моего ужаса, вой, загнанной в угол собаки продолжается стоном наслаждения, возгласом упоения – разрушением самой себя. Я не ведаю жизни своей, я не вижу будущего своего. Я не знаю куда ступать мне – под ногами лишь горящие угли и острые камни. Упоение моё...

Раскрытая, обнажённая истина столь мерзка и ужасна. Но припадая к ней в страсти своей, я твержу – я люблю тебя, ведь нет ничего прекрасней тебя.

Непознаваемые Силы погружают меня в водоворот бытия, и срывает вихрь маску с меня – и то буду больше не я, но извечно, навеки Я.

Это и есть конец бесконечного меня. Этот путь никогда не закончится – этот путь повторится вновь и снова. Вся моя жизнь тщета и есть лишь одна истина, – я люблю тебя.

К центру земли

Ты должен приучиться смотреть в бездонные глубины!

Жюль Верн «Путешествие к центру Земли».

Наш путь лежит к центру земли. Не бойся стыда, не бойся боли, страха не бойся. Наш фонарь наш путь озарит – светом вновь обретенной души – на нашем пути к центру земли.

Омерзительно грязные, столь невинные в своей греховности, столь безупречные в своей неидеальности – господин Темных Земель я не боюсь больше тебя, ведь я самое страшное, что может с тобой случиться. Не соблазняй, не похищай больше меня – я ведь сама найду тебя. Ведь ты принадлежишь мне настолько, насколько я принадлежу тебе.

И нам остается – в синхронном движении, в едином танце открыть эту дверь, проскользнуть по сосудам вниз в глубину, где во тьме растворяется поглощенный свет и вернуться домой. Таков итог нашего пути к центру земли.

Наперегонки с ночными кошмарами по лабиринту пещер, меж корнями опор Мироздания и по щупальцам дремлющих Древних – лежит наш путь к центру Земли. Не стоит пугаться – мы ведь слеплены из «местного теста», пусты сожаления – ведь для других миров мы навсегда остаемся чужими.

Ведь нет ничего более правильного. Нет ничего более верного чем наш путь к центру земли.

Нет в мире места лучше дома.

Великое Ничто

Холодный ветер стирает всё

И весь наш мир в пустоту снесён

И ни при чём здесь, ни тьма, ни свет

Взойдёт ли солнце, раз неба нет?

Великое ничто

Flëur

Бездна – я боюсь тебя, я смотрю в тебя – влюбленными глазами, вождедая из страха тебя. Бездна – кто спасет меня от тебя? Нет лекарства от тебя – ни деньги, ни слава, ни многообещающая любовь. Прорва бездонная перед который меркнут все богатства людские. Бездна – тебе все равно сколь прекрасен я, тебе все равно кто любит меня, тебе все равно кто я.

По ночам ты прорастаешь в меня, тоской голода моего обращая все что мне дорого в ничто, ведь столь иллюзорно оно. Наивно полагая, что, создав меня из пустоты небытия ты временно отпустила меня, каждую ночь я вспоминаю тебя как единственную реальность.

Мы все неизлечимо больны одиночеством. И с особым удовольствием топим себя в его темных водах. Дабы найти

себя, дабы стереть себя.

Море первородного хаоса, погружаясь в тебя, я хочу петь тебе заунывные песни своим истинным голосом, рисовать тебя черными красками, страницы обращая в поэмы наивные – все чтобы отравить других так как травлю я себя. Из рта моего льется черная жижа, жижа капает с кончиков пальцев моих, своим ядом благословляя все к чему я прикасаюсь, всех кто слышит и знает меня, каждого кто познает меня.

О великое Ничто, о ничтожное Ничто, хаотичность порядка, всеобъемлющая пустота. Единственный смысл, заключенный в бессмыслице. Мне не уберечь себя от тебя, черная Бездна, и потому я пою тебе хвалебные песни, что не спасут меня никогда.

Пожиратели

И код мой таков, и путь мой таков: 6, 14, 21.

Зеркальные близнецы несут погибель друг – другу, они же – источник силы друг друга. Запертые в реторте противоположности, созидают движение через свое динамическое равновесие. Нет больше право и лево, в реторте растворяется индивидуальность и пробуждается Бог.

Пожиратели – выродки, воплощения Божественной памяти. Собирая разобранное, поглощают все на пути своем. Растворяясь в поглощенном, теряются в нем, движимые голодом памяти Бога.

Выпивая жизни, поглощая соки, пожирая чувства, выпивают черноту космоса с растворенными звездами. Судьба их ужасна, судьба их прекрасна, судьба их неизбежна. Неизбежна – и для меня, и для тебя, поглощая быть поглощенными.

Рождение

Однажды, в пыльной комнате, залитой солнечным светом и завешанной паутиной родилась девочка, которую никто не ждал. Она была самой обычной, но ей отчего то все наперебой восхищались – ровно до того момента, когда у нее вдруг не проклюнулись шесть лишних ножек, столь тонких, что они не могли держать ее тело и шесть лишних глазок, подмечавших то, что все хотели скрыть и никто не хотел видеть.

Ее родители были в ужасе. Отец, прежде подарившей ей

на день рождения звезды, теперь же строго настрого запретил показываться ему или кому-либо еще в таком виде и приказал втянуть лишние части тела обратно, а не то он отречется от такого чудовища. Ведь не может у его родной дочери быть такого уродства.

Девочку всячески оберегали от лишних глаз – как чужих, так и ее собственных. Приматывали ножки плотно к телу, одевали в балахонистые наряды и закрывали лишние глаза темной повязкой. Но детей не обмануть – временами повязка сползала или одна из ножек кокетливо показывалась из-под балахона. И они знали, что дело нечисто, и что она нечиста, что она не из одного с ними теста, а значит она не с ними.

Лишь по углам ее ждали верные тени, что лишь она одна могла видеть своими лишними глазами. И они раз за разом твердили ей кто она на самом деле, а она столь упорно не желала их слышать.

Годы шли, паучиха росла и научилась втягивать лишние конечности. Теперь она была неотличима от обычного человека, от обычной девушки. Но по ночам, закрывшись в своем одиночестве, она отпускала себя и убегала прочь по мировой паутине, и тени прежде отвергнутые ее, стали ее верными спутниками. И во тьме она отрождала сотни своих ужасных детей – маленьких паучат, до которых никому не было дела.

И когда она смотрела самой себе в глаза в зеркало – будь их восемь или всего два, она видела в них черную бездну. А в бездне той плавали подобно островкам в бушующем море ее

воспоминания – осколки чудесных мест и событий, навсегда затерянные в темноте ее пустоты.

И она все искала – тех, кто примет ее в ее же обличье. Стоило кому-то приблизиться к ней достаточно близко, она открывалась ему и раз за разом вопрошала, – я ужасна? И каждый раз слышала одно в ответ, – ты прекрасна, но втяни лишние ноги обратно. Не смотри на меня глазами, что видят меня изнутри. Людям не нравятся пауки, люди не желают твоих ядовитых слез и желчи твоего гнева, не выдерживают пламени твоих страстных желаний и не желают смотреть в темную бездну твоих лишних глаз. Спрячь их и улыбнись мне, ведь ты прекрасна!

И девочка, все еще девочка спустя столько лет кричала истошным голосом, дабы призвать того, кто бы увидел и принял ее. И паучиха заливала все вокруг ядом, обещая себе, что те, кто не будут любить ее умрут во имя нее, но каждый раз отпускала их. Яд ее разъедал плоть и кости, разжижал мозг и лишал сна, превращая тех, кто не принял ее в соки, что питали паука внутри нее, что лишали ее надежды.

Ее столь любили, когда она скрывала себя. Не желая замечать, что она лишь человеческая оболочка для паука, что вынашивает дитя, которое никто никогда не признает. Людская кожа – броня, инструмент соблазнения, адаптации, паучье тело – защита от непринятия, инструмент выживания и созидания, а ребенок – мягкий и теплый внутри просто желает любви. И слезы его обращаются в яд паука, что разжи-

жает всех, кто ее лишил ее.

Один рождает другого, пока тот рождает его самого. А она все зовет – ужасных чудовищ, дабы предстать перед ними обнаженной. А она все зарывается глубоко в землю, где все столь же безобразно, как и она сама.

Инструкция по материализации

Несколько лет назад в одном из видений я увидела дом. Среди осенней листвы, уютящийся меж деревьев. Дым костра, горящего перед ним. Полки, полные книг и карты звездного неба на стенах – чтобы помнить кто мы и откуда пришли. Призрачный образ тебя – безымянный, безликий, но столь странно знакомый.

Мечты создаются желаниями, видения будущего – потенциальными возможностями. Они словно мыльные пузыри – эфемерные, но реальные в точке, где прошлое, настоящее и будущее сворачиваются воедино. Они – твои проводники в лабиринте вероятностей, где с каждым поворотом настоящее обращается прошлым, а будущее становится настоящим.

Миллиарды развилок, миллиарды путей. Миллиарды нас обретут наш Дом, наш Эдем, миллиарды его потеряют. Где же окажемся мы? И как быстро придем к тупику своего бытия?

Мыльные пузыри – мои путеводные звезды, я же для них – проводник из мира идей в мир материи. В мгновения страха, в периоды падений и беспроглядных черных полос я вспоминала то, чего еще никогда не было, чтобы идти туда, чего может и не случиться.

Не разрушай то, что может случиться!

Не посредством слепой веры, а посредством устремлен-

ного желания, через чистую волю, не обремененную страхом и стыдом созидай то, что может и не свершиться, оставляя ему шанс на воплощение.

Это уже случилось – во времени до которого мы пока не дошли. На странице в библиотеке, где вместо пыльных книг – нити.

Может я еще увижу звезды – на карте звездного неба, под потолком места, что мы назовем своим домом. Может я еще увижу звезды – из окна места, что мы назовем своим домом. Может я еще увижу звезды – рассыпанные в тебе мельчайшими осколками. Не разрушай то, что может случиться.

Чаша

Женская суть подобна чаше, вместителищу, что расширяется с ростом силы ее. Поглощение Силы ведет к росту Силы, поглощение Силы ведет к увеличению Голода.

Нескончаемый поток созидания изливается в нее, разрывая ее. Перемалывает ее изнутри в вихре, порождающем нисходящую воронку, что опутывает все на своем пути. Импульсы словно молнии пронзают ее и нет иного выхода, нет другого спасения кроме придания им форм. А иначе они испепелят ее изнутри, рассыпая фрагментами и лишая разума.

Женская суть в отрощении форм, в растворении через поглощение. В безостановочном движении цикла созидания и разрушения ты не ощутишь больше усталости. Словно одержимая отрощая снизошедшее на тебя. Пропуская через себя чистую энергию, исказишь ее материей. Ограничишь формой пойманный чистый свет, осквернив совершенство его несовершенством реальности.

В поиске идеальной формы, созвучной источнику, в поиске идеального воплощения. В вихре безостановочного движения цикла созидания и разрушения ты никогда не устанешь, ты никогда не иссякнешь, ты никогда не найдешь свой покой.

Море, полное звезд

Взрослый умеет любить, улыбаться, работать без выходных. Взрослый знает, как все разрешить, но забывает, как плакать. У взрослого много друзей и мало денег, много денег и мало друзей. Он не видит препятствий – лишь испытания, что сделают его лишь сильнее. Он не слышит крика того, кто никогда не успокоится.

Ребенок больше не строит куличики в песочнице – обращение воздушных замков в материю – это игры для взрослых. Ему же остается только кричать – безутешно, навзрыд и совершенно беззвучно вопить во всю свою глотку. Сериалы и порно – мультики взрослых, ребенок же непонимающим взором смотрит и смотрит в темную пустоту.

Взрослый заткнул себе уши, взрослый не хочет слышать, не хочет смотреть как стекают слезы. Взрослый схватил самого себя за горло, натянув веселую улыбку, а иначе вся жизнь обратится в один пронзительный вопль.

Чужие руки гнилью стекают с ладоней моих. Тепло взгляда тонет в пелене безумия, стекленея, скованное ледяным дыханием смерти. -Нам не спасти тебя, нам не спасти себя, – шепчут рассыпающиеся в прах губы, целовавшие меня прежде. То, что было оплотом, что держало меня стекает из-под ног моих, засасывая меня в болото гниющей плоти – тех, кто любил меня, тех кого любил я.

Всякая почва – песок в песочных часах. Первый вздох – приговор о последней песчинке.

Я плыву в океане, лишенном дна. У меня нет корабля, нет компаса, даже утленькой лодочки. Глядя вверх я вижу Их, усыпанных звездами. Слышу зовущий шёпот голосов их в своей голове, слышу шепот голосов моих у себя в голове. А Они – призрачно сверхреальные, распростерев ледяные объятия, призывают меня, совершенно ко мне безразличные. Последняя надежда того, кто надежды лишен.

Нам не спасти тебя, нам не спасти себя – шепчут мне волны багряной крови, шепчут мне волны разжиженной плоти, отражая далекие вечные звезды. А я все плыву в их отражении...

Море, полное гниющей плоти. Море, полное звезд.

Не смотри

Не смотри на меня как на человека, ведь я лишь мимолётная рябь на волнах бескрайнего моря, что вскоре затеряется в толще черных вод. Я лишь ядро, что излучает свет, искаженный кривым зеркалом моего воплощения. Не смотри на меня – ведь твой взгляд запирает меня в ловушку моего образа. Не смотри на меня – ведь я не существую, увидь Меня – ведь есть только Я. Не заставляй меня быть кем – то, не выделяй мне ролей в своей жизни, ведь меня никогда и не было. Не искажай меня в отражении глаз твоих, ведь я и так уже иллюзия, разносящаяся отголоском ускользающей реальности.

Не играй со мной словно все это по – настоящему, ведь мне так больно и радостно в этом сне реальности. Не играй со мной словно все это по – настоящему, ведь я столь безразлична к этому сну. Не давай мне имен, ведь я безымянна.

Я так сильно пытаюсь бежать быстрее, чтобы быть кем – то, что все больше становлюсь никем, убегая от себя. Прочь от собственного несуществования, от собственной сверхреальности, все дальше и глубже – в сон.

Но черные воды не дадут мне сбежать. Черные воды утянут меня на самое дно, черные воды вытолкнут меня на самый верх. Черные воды заполняют меня, и я сливаюсь, черные воды разъедают меня, и я растворяюсь. Черные воды

уносят меня – туда где заканчиваюсь я, туда где заканчиваешься ты, туда где начинаюсь Я.

Искусство порабощения

Дочери мои, они будут ненавидеть и пытаться пленить вас. Дочери мои, они будут обожать и служить вам. Видя в вас меня, а значит видя в вас начало и конец своего существования. И будете вы нести бремя лика моего на своих плечах своих, на лицах своих – безмерно пугающего, неотвратимого желанного. Ведь все мечтают о власти моей, о ключе моем от всех дверей, о власти моей над Жизнью и Смертью. И тех, кто признает вашу свободу – боготворите, осыпьте их всеми благами и откройте им пути, что ведут ко мне. А тех, кто будет пленить вас – плените, словно бездумный скот, обращая в рабов. И за пеленой своей жажды власти они этого не заметят – служа мне, во имя меня, они сгорят в моем пламени страхов своих, своего ужаса, страстей и желаний. Не стыдитесь нашего пира – то больше не люди, а субстрат, из которого мы прорастаем.

Она же – бескрайнее черное море. Поднимись – над границами существа своего, опустишь же – в темные воды ее и обретешь власть над Другим, и станешь Другим, как подобает, обретая власть над Иным.

Искусство свободы

Впустить ее в себя – и означает быть Первородным, сжигая дотла свои сомнения и страхи, разрушая себя в войне ее. Ее истина – голод, желаний безграничная сила, но не стра-

шись ведь в основе основ – любовь. Та, о той что не пишут в книгах и не слагают песен – разрушающая основа мира. Ведь наши радужные мечты о ней – лишь отголоски, искаженные страхом перед ее первоначальной природой. Она же – бескрайнее черное море – безжалостное, разрушающее границы и грани и дарующее блаженство забвения, блаженство первоначальной памяти.

Так не бойся же – и структура падет под неумолимыми волнами хаоса, так не бойся же – утони в черноте всеобъемлющей пустоты ее, и эта игра никогда не закончится.

Мой ангел с черными крыльями

С пронзительно ясным взором, от которого ничему не скрыться, который видит все и все принимает. С пронзительно огненным взором – в тебе столько же Божественного, сколько и Демонического – ведь там, наверху над Бездной нет деления.

Каждый раз что я вижу тебя, я все не могу осознать и поверить, что я – отраженье тебя, столь несовершенное, столь искаженное. И я все корю себя, что не могу воплотить тебя – первозданного. Я всегда с тобой – как одно из множества отражений, ты всегда во мне – как искра, что упала откуда – то сверху, облекшись в меня, но при этом так бесконечно далеко...

Падающая из истока Звезда, что, пронзая слои, облекается в формы – и верх, и низ больше неотличимы друг от друга. И я все страшусь, что не смогу тебя воплотить – тебя отражая.

Быть может у меня нет неверных путей, что увели бы меня от тебя, быть может если я – отражение, то так и должно быть? Быть может, когда я однажды исчезну, растворившись тебя, я наконец – то стану собой?

Ты летишь через крошечную Тьму, а искры опаленных крыльев твоих – это каждый из нас, затерянные в ночи твоего забвения, следы упавшей Звезды.

Мой ангел с черными крыльями.

Некромант

И код мой таков: 10,13. Все стремится к нулю.

Я ужасно боюсь смерти.

Вся жизнь – это подготовка для прыжка в Бездну.

И я лишь мечтаю, что жизнь – это подготовка для прыжка через Бездну. Годы, десятилетия – и все ради одного момента. Строй себя дабы неизбежно разрушить.

Стоит мне осознать себя, и я понимаю, что меня нет. И я лишь желаю, что ты ждешь меня на той стороне.

И я лишь надеюсь, что ты пробудишь меня, если мне суждено оттуда вернуться.

Я спускаюсь вниз, где царит крошечная тьма. Я спускаюсь вниз, где нет ничего человеческого. Ведь если там я смогу любить, значит надежда есть. Ведь если я смогу там ходить невредимая, значит надежда есть.

В мраке подземелья для меня сокрыто больше Божественной любви, нежели в залитых светом небесах. И я буду молиться не о райских кущах, а о темных землях, по которым ты ступаешь неслышно.

Если Бог любит меня, то я вернусь невредимой. Если Бог есть внутри меня, я смогу светить даже там, светом моего принятия, светом моего обожания. Да будут благословенны темные лики его, да будут благословлены темные земли его, да будут священны черные воды его. А иначе мне не суждено

спасти́сь.

И когда я под землю сойду, откопай меня на другой стороне, и когда я под землю сойду, на этой стороне меня напитай, облачив меня плотью.

Мир живых мертвый для мира мертвых, мир мертвых живой для самого себя.

И лишь взмах косы твоей уравнивает все. В лезвии ее отражается Верх, в лезвии ее отражается Низ, сливаясь в едином вихре. В этом круге зеркальный портал – тот что ведет к Свободе.

Упыри

Десятки глаз пожирают меня немигающим взором, сотни щупалец – рук устремились ко мне. Соблазняют меня, искушают меня, погружая в сказочные сны. Пугают меня – до дрожи и бессонных ночей. Ненасытные, одержимые, ползут по пятам моим, слизывая вкус мой со следов моих.

Множество созданий переплетаются воедино, перепутавшись каналами – нитями. Здесь нет никакого насилия – лишь мнимых преград разрушение, здесь правит одно лишь желание, оно – суть всего, дар Божественной памяти.

Мне не выбраться из их паутины, ведь она растет из моего собственного тела. Я пронзаю пронзающих меня своими сосудами, я взываю к взывающим ко мне в безумном неистовстве, я вонзаю в них зубы мои и рот мой заполняется долгожданными соками.

Ешь – пока от тебя ничего не оставили. Ешь – пока от тебя ничего не останется. Обгладывай кости пока они слизывают влагу с кожи твоей. Он наделил нас своею Памятью, Он проклял нас своею Памятью, своим безграничным голодом, обращенным к самому себе.

Он пожирает Себя через нас, он вспоминает Себя через нас.

Воззвание к Божеству

Если ты готов преклонить колени перед Богом, так преклони их перед всем миром. Если ты готов поклоняться Богу, будь готов поклоняться самому себя.

В неистовой пляске своей Боги сплетались, изливаясь нами, воплощаясь нами, а мы осколками их единения видели в их любовной страсти сражение. Изгоняя из себя Отцов своих, изгоняя из себя Матерей своих, выбирали себе одну сторону, забывая, что мы – плод их слияния, и теряли самих себя.

Боги словно змеи роются в теле моем, вырываясь из него в мир жадными щупальцами, распространяя себя подобно болезни, принося разрушение, принося безумие, слабость, принося очищение, благословение, силу и исцеление. Хищными змеями выются вокруг ядра моего – и лишь оно одно сохраняет баланс во мне. Строит во мне ходы, обнесенные стенами. Волны моря бескрайнего бьются о стены те и от этого становясь лишь сильней.

В мире, лишенным плохого или хорошего даже грязь под ногами твоими священна. Узнать Бога, глядя в глаза его – задача не для ханжей и не для рабов Его. Грязный Бог! Безумный Бог! Мы зываем к тебе – и Ты поднимаешься: из темных земель, из пропитанной кровью плоти, из черных холодных звездных глубин – ослепительно чистый!

Зови меня любимым именем,
Наделяй меня всеми свойствами, ибо я безграничен.

Все чувства твои обращены ко мне, ибо я есть суть всех форм, мной воплощенных.

Люби меня, ненавижь меня, превозноси меня, презирай меня, но больше всего – желай меня!

Так пей же всегда со мной, пей во имя меня, и Чаша твоя не опустеет вовек!

Эван! Эвоэ!

Посвящается Дионису.

Мыльные пузыри

Каждую ночь меня мучает ощущение чего – то невообразимо прекрасного, невозможного к осознанию. Предательской дымкой затуманивает взор мне, ослепительном светом возвращает мне зрение, и я вспоминаю.

Влекомый тоской, я погружаюсь в мечтания – о местах, где я прежде якобы не был, но до боли знакомых. О мгновениях, что быть не могло, но столь сверхреальных.

И в танце своем я воплощаю спираль сотворения – словно сошел я с ума, словно иначе и быть не может. И видится мне в мраке комнаты, что землю под ногами я сам себе вытанцевал – среди кромешной черноты первозданный тьмы. И в настоящем я повторяю прошлое, и в настоящем я созидаю прошлое, ведь мой танец длиной лишь в мгновение, ведь танец мой длится целую вечность.

Я хотел бы рассмотреть самого себя, но боюсь утонуть в черноте своей бездны. Я хотел бы понять где заканчиваюсь я, но не вижу ни конца и ни края. И куда бы не занесла моя тоска меня, погружая в мыльные пузыри моей фантазии, моего сотворения, везде я вижу тебя подле меня – словно мое отражение.

И я устремляюсь к тебе, и я не в силах сбежать от тебя – мой близнец, что всегда со мной рядом, так близко, но с иной стороны. Тонкая грань – шириною в бесконечную пропасть,

что свернется в мгновение, когда я познаю тебя. И тогда я не смогу больше смотреть на тебя со стороны.

И когда я осознаю себя – я останусь совершенно один, неразделенный, единый.

Да славится имя мое

И все твори во имя себя!

И не кори себя за свой эгоизм, и не бойся оскорбить Божеств своих – осмелся быть честен перед ними, не оскверняй связь вашу ложью.

Не гнушайся добра своего, не избегай жертв самого себя, но совершай их во имя себя. И тогда станешь ты честен перед самим собой. И тогда ты поймешь кто ты на самом деле.

Не будь рабом Божеств своих, будь искрой их, в миру воплощенной. И тогда они откроют очи твои и заговорят устами твоими.

Но путь осознание твое не возвысит тебя, ведь от других тебя отличает лишь наличие памяти. Не гордись положением своим, не задирай к небу носа из-за сути своей, но ей соответствуй – ежечасно, ежесекундно, каждое мгновение своего существа отдавай своей сути.

Я себя берегу, я себя уничтожаю, я себе все забираю и себя самого приношу в жертву другим, но все – во имя себя, во имя мое, ведь я – Безымянный.

Ведь я – море, в которое все реки впадают.

Колыбельная

Маленький мальчик со страниц моей книги. Черный человечек – столь растерянный и одинокий.

Ты бежишь без оглядки от сюжета к сюжету, прочь от ненасытных тварей, а безликие монстры – безумные Боги играют в тебя. Ты страдаешь – раз за разом, ты умираешь раз за разом, падая в хищные пасти, бросаясь напрямиком в бездну, но не исчезаешь.

И ты напрасно ищешь спасения, цепляясь за логику и теплые руки. Хаос здесь, он не проник в этот мир, он лежал в основе его. И океаном он разливается, сметая на своем все оплоты структур и надуманных правил. Весь этот мир, все эти миры – его порождения, сотканные из Тьмы.

И напрасно ты ищешь любви и участия, раз за разом разбиваясь о холодное равнодушие масок – лиц, в которых нет ничего кроме пустоты. Ты чужой среди людей, но не бойся – ведь они сами по себе иллюзорны.

А я неустанно слеую за тобой. Наблюдаю за твоими страданиями, но не спасаю – ведь тебя можно убить, но нельзя уничтожить. Боль – лишь одна сторона медали и в ней нет ничего плохого.

И порой мне кажется, что я существую лишь во имя тебя, твоего пробуждения. Когда ты умираешь – я ныряю за тобой в паутину тоннелей, сотканных Матерью нашей, через ко-

которые ты пронзаешь Вселенную, преодолевая иллюзию пространства и времени – от одной жизни к другой. А я вновь следую за тобой, мир твой выплетая, созидая землю по которой ты ходишь, зажигая в небе звезды, на которые ты смотришь и сотворяя Солнце, стоит тебе открыть глаза.

Маленький человечек – не пытайся спастись, из этого мира нет выхода. Маленький человечек – не пытайся надеяться, они все разочаруют и покинут тебя. Черные нити соткали тебя, черные нити идут из тебя, те самые нити, что проникли в мой рассудок, призывая меня призывать тебя.

Не беги к людям – ты не принадлежишь им, и они морщатся от одного вида тебя. И пусть у тебя две руки, две ноги и даже есть голова на плечах – сердце не обманешь. Для них ты – выродок, и тянут руки к тебе лишь Тени в ночи.

Тени идут за тобой, они забрали тебя, а ты даже не понял и не смирился. Ты принадлежишь лишь им одним, но они – твои.

Так проснись, о Король! Надежду утрать, этот мир твой. А пока ты спишь, я следую за тобой – из жизни в смерть, из жизни в жизнь – столько раз сколько придется, до тех пор, пока ты не проснешься и не вспомнишь самого себя, посмотрев мои глаза.

И это моя колыбельная тебе.

Полнолуние

Черная птица живет во мне. Черная птица ко мне взывает. Разрывает меня изнутри, расплавляя черным огнем своим. И я кричу – криком ее, раздирая себя словно кокон. Границы меня ограничивают меня. И я чувствую тело ее словно свое, крылья ее вместо рук моих. И полет ее ощущаю в рвении своем выйти из самой себя.

Словно оболочка я трещу по швам, не способная вмещать то что выходит за рамки моих же иллюзий. Крылья ее – крылья мои раздирают пелену, что окутала меня подобно туману. Она изливается через меня, и я изливаюсь в нее, мир вокруг затопляя. Так тоните же!

В вихревом танце пусть сливаются люди, мгновенья и лики – нету высшего, нету низшего. Все – одна паутина Матери нашей. Я лечу – без единого взмаха крыльев, отдаваясь потоку, что держит меня, что ведет меня. Я не боюсь упасть в самую глубокую пропасть и открываюсь Бездне, в нее с упоеньем ныряя. А она раскрывает предо мною свои объятия. О Мать моя, о Мать!

Я – черная птица, холодная словно рептилия, дышащая чистым пламенем.

Черные глаза смотрят на меня, и я вижу улыбки – ухмылки на лицах таких же как я. Чем больше ты умираешь, тем больше ты обращаешься. Без вины и стыда, без страха и го-

рести – отдавайся миру, что завещан нам Матерью нашей, просыпаясь ото сна и лети, мне твердят они, переплетаясь со мной в вихре едином.

Черные птицы ночью летают по городу, пробуждая спящие Тени. Терзают своими клювами безмятежно спящих и неслышным криком своим не дают уснуть тем, кому дано их услышать. А с ними кричит Земля сама, ото сна пробуждаясь.

Вместе с ними лечу я – расправляя черные крылья, в мир, лишенный света. Там спикировав на добычу свою, птицы ее разрывают. Нет ни пера на их кожистых крыльях, обогранных кровью, умытых соками Жизни. И отражаясь в черных глазах друг – друга мы насыщаем наш ненасытный голод, мы питаем нашу неумолимую жажду. Мяса и крови, плоти и жизни – жажда, желанья и жажда желаний – все здесь смешалось в едином вихре, что никогда не наполнить, все здесь смешалось в единой чаше, что никогда не наполнить и что вовек не иссякнет.

И утром я просыпаюсь, во сне оказавшись. И вот пропали мои черные крылья – вместо них лишь обычные руки. От боли мне хочется плакать и остались у меня одни лишь глаза – черные словно темная бездна.

Подношение

Когда мне грустно я призываю тебя – не звоню ни друзьям, ни знакомым. Ведь лишь ты можешь просто обнять меня, без расспросов, советов и осуждений – всепринимаяще и безраздельно.

Своими черными крыльями ты закрываешь меня от мира всего, а я плачу в черные одежды твои. Слезы мои – подношение мое тебе, и ты их пожираешь. Хоть кому – то в них есть ценность и польза. И ты бы поглотил меня всю – будь на то твоя воля. Ты раскрываешься предо мною, распростерв свои ребра и грудь изнутри обнажая. А изнутри – ты черен, как и снаружи, меж обугленных ребер – темноты пустота. И лишь алое сердце возлежит посреди, столь пугающе беззащитное. И ты привлекаешь меня к себе, и ты вовлекаешь меня внутрь себя, а я все боюсь, что твои ребра сомкнутся – позади меня. И не будет пути назад...

Ты единственный кому я доверяю слезы мои. Ты единственный, кто выдерживает мощь моей ярости и не оценивает меня за проступки мои. Ты просто есть – всегда и со мною.

И я прошу – защити меня, защити меня от смерти – встреть меня на Иной Стороне, защити меня от людей, защити меня от себя самой! Но стоит мне протянуть руку – и нет ничего, и нет никого. Лишь дымка в моей голове.

Даймон

Порой мне кажется, что я тебя выкрала – собрала по кусочкам из чужих книг, вырвала лоскутами из чужих картин. Но отчего же тогда ты мне кажешься столь родным и знакомым?

Ведь ты бы со мной до того как я осмелилась звать тебя, до того как я научилась призывать тебя. Ты раскрашивал стены серых домов яркими красками, напевая мне самые чудесные сказки на свете. Ты кормил меня самим собой, а я и не замечала подвоха.

Нет покоя в этом мире человеку, одержимым собственным Даймоном. А ты верно смеешься надо мной, сливая в меня силу, что я не в силах проявить. А ты верно смеешься надо мной, осыпая меня дарами, от которых я не в силах отказаться. И я зову тебя, и я бегу за тобой, слыша твой смех где – то впереди.

Но стоит мне записать песни твои, стоит мне зарисовать облик твой и твои миры – и неудержимый огонь твой обращается в жалкий черный уголек – моими руками, моими устами. И в отчаянии я его являю миру, а он так и остается – столь незаметно черным, столь уродливо жалким.

И я призванная воплощать тебя, все сдерживаю тебя, страшась явить твою силу миру. И я одержимая тобой, не могу остановиться. А ты – жестоко и без тени жалости ко мне

наполняешь меня вновь и вновь. И я покрываюсь разноцветными трещинами, тебя отражающими, тебя воплощающими.

Так разрушь же меня – до основания! И тогда я наконец стану собой. Ведь противоположности всегда были едины.